

ЗВЕЗДА РУНЕТА

18+

Ульяна Соболева ПОЗОВИ МЕНЯ...

*Если бы у любви не было названия, я бы дала
ей твое имя*

АСТ представляет:

самая популярная рукопись Рунета теперь в виде книги

Annotation

Лия Милантэ — популярная писательница, автор мистических, эротических триллеров. Таинственный уровень Интернета «Тихий дом», тот самый, где таится черная бездна неизвестности и жутких сетевых лабиринтов с мертвыми сайтами, открывает Лие врата в самый настоящий Ад. Потому что после посещения одного из них грани вымысла и реальности для нее полностью стираются.

Нейл Мортифер оказывается не просто безумно любимым персонажем автора, а её Хозяином, который насильно вернул свою собственность обратно. В другой мир, так похожий на наш, но с иными законами, где люди просто еда и рабы для высших существ, таких, как Нейл, который находится у самой верхушки власти. Он — зло, первобытное, изначальное зло.

И Лия уже не знает, кто она на самом деле — писательница, которая запуталась в своих фантазиях или эксперимент под номером НМ13, который вышел из-под контроля.

Ульяна Соболева, Вероника Орлова

Позови меня...

© У. Соболева, В. Орлова, текст

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

*— Я буду искать тебя в тысяче миров и десяти тысячах
жизней, пока не найду...*

— Я буду ждать тебя в каждой из них.

из фильма(с) 47 Ронинов

Глава 1

Психиатрическая лечебница — это совсем не то место, где вам хотелось бы оказаться при любых жизненных обстоятельствах. Ни как гость, ни, уж точно, как постоялец. Чье-то безумие отталкивает. Вызывает ужас или жалость. Иногда и то и другое вместе. Это как уродливая изнанка человека, выставленная на обозрение.

Элис припарковала машину у серого здания с высоким забором и посмотрела на себя в зеркало. Поправила воротник блузки, автоматически повернула ключ в зажигании, заглушая двигатель. Какое мрачное место, даже на расстоянии ощущается некое давление безысходности. Примерно как на кладбище. Только на кладбище вас окружают останки мертвых тел, а здесь пристанище мертвых душ. Пустых, покалеченных, сожженных душ. Это по-настоящему страшно. Сейчас она уже не боялась этого места, так как побывала здесь несколько раз. А тогда... в самый первый... ее пробрало только от взгляда на стены, на забор с колючей проволокой, на каркающих над крышей ворон.

Элис всегда было страшно думать о том, что может довести человека до безумия. Что должно произойти в жизни, чтобы обычный банковский работник или тихая воспитательница детского сада вдруг превратились в кровожадных монстров? Или известная, популярная писательница вдруг решила сжечь себя прилюдно среди бела дня на глазах у сотен людей? До какой точки отчаяния нужно дойти и почему, чтобы принять такое решение или перестать контролировать себя и свои эмоции настолько? Что так ломает людей? Что превращает их в тело без души и без сердца?

Впрочем, рассуждать о нормальности можно до бесконечности. Есть общепринятые нормы поведения, навязанные обществом, и кто-то их нарушает, позволяя себе вывернуть наизнанку своих демонов, а кто-то удачно прячет их до самой смерти. Этим не повезло.

Элис вылезла из машины и поежилась от холода. Нужно было надеть плащ или куртку. Почему ей всегда кажется, что в этом месте так холодно? Намного холоднее, чем в городе.

Она помнила, как впервые приехала сюда. Вечно ей достается что-то, чего другие сотрудники делать бы не стали. Грязная работенка для Крафт — она не откажется. Еще бы Элис отказаться, когда она только начала работать в этом престижном журнале, когда на нее все еще смотрят как на чужую и она проходит стажировку после университета. Элис хваталась за любые статьи. Не важно, о чем, лишь бы оправдать ожидания. Работать по протекции не так просто, как кажется со стороны, особенно если ты бедная родственница жены главного редактора. В общем, она из кожи вон лезла. Естественно, когда Джоник (так называет тетя Элис своего мужа Джона Милтона) позвал ее в кабинет и попросил написать статью о некоей популярной писательнице любовных романчиков, она согласилась. Плевое дело. Так она подумала. Почитает рецензии к ее графоманству, полистает пару книжечек по диагонали — и вуаля. Но Элис ошиблась. Они хотели не просто статью. Они хотели ее биографию, интервью с ней и также ее черновики, которые та так и не опубликовала в своем блоге. Естественно, Элис забыли рассказать, что писательница находится в психиатрической лечебнице. Эту информацию она получила тогда, когда уже дала согласие взяться за статью. А теперь ей предстояло встретиться с какой-то ненормальной, которая пыталась себя сжечь и была признана опасной для общества. Потому что интервью Элис решила взять первым делом. Она привыкла с детства делать вначале именно то, что ей не нравилось, «отстреляться», и с чистой совестью приступить к более приятной работе. Она еще не

успела прочесть ни одной из книг этого автора. Только зашла в блог, набитый до отказа фанатами. Куча дифирамбов, восторгов и подхалимажа. Все сочувствуют и охают, как такое могло приключиться с их кумиром? Не верят или злорадствуют. Но блог кишит неравнодушными. Хотя Элис впервые услышала о ней. Мельком взглянула на ее фотографию, даже не запомнила, как выглядит. Да и, скорее всего, это какой-нибудь старый снимок, где автор получилась удачнее всего. Ну, или «фотошоп — наше все». Элис была уверена, что на самом деле увидит лицо сумасшедшей. Ей почему-то казалось, что это сразу заметно. Некая одержимость. Печать безумия во всем внешнем облике, как у чокнутой в романе «Джейн Эйр». Перспектива не прельщала, но работа есть работа. Раньше Элис писала статьи немного иного рода. Конечно, она мечтала, что когда-нибудь будет вести собственную колонку или даже раздел, но... до этого еще так далеко.

Журналистка ошиблась. Когда она впервые увидела Лию Милантэ, какой странный творческий псевдоним или имя, то невольно засмотрелась. Любопытство заставляло всматриваться иначе, чем смотришь на человека на улице. Перед встречей Элис предупредили, что пациентка неразговорчива и, возможно, она зря пришла. Но попробовать стоило. Элис уточнила, не опасна ли та для нее, и медсестра уверила, что нет. Что сейчас некая ремиссия в ее состоянии и Элис вполне может с ней встретиться. Она хотела уточнить, как часто бывают рецидивы, но не стала.

Лию привезла та самая медсестра, у которой Элис выспрашивала о своей безопасности. На инвалидном кресле. Журналистка смотрела как замороженная. Нет. Элис не нравились женщины, никогда не нравились. Ну точно не в том смысле, как мужчины. Но, несмотря на это, она все равно была под впечатлением. Эта женщина казалась Элис необычной, и дело не в ореоле тайны, не в ее популярности, но она даже в простом сером свитере, даже в этом инвалидном кресле была какой-то недоступно неизведанной. И дело не в красоте. Она бы не назвала ее красивой. Скорее, нечто неуловимое, то самое, что заставляет смотреть снова и снова. И она совсем не походила на сумасшедшую. Длинные черные волосы аккуратно уложены в узел на затылке, тонкие черты лица, аккуратные. Вот и разрушен стереотип — безумие не всегда имеет уродливый, страшный или отталкивающий облик. Журналистка не могла понять, что именно так привлекает, возможно, то самое нездоровое любопытство, присущее многим. Она видела достаточно красивых лиц в своей жизни и не всегда задерживала на них взгляд. Наверняка у этой женщины было достаточно поклонников, которые могли сходить по ней с ума, или она вполне могла сводить их с ума намеренно. Медсестра оставила их одних, и Крафт демонстративно откашлялась, чтобы привлечь внимание, но молчание не нарушала. Она все еще рассматривала пациентку. Почему-то рядом с ней показалась себе какой-то серой и обычной. Простушкой.

Странно, не правда ли? На Элис дорогая, элегантная одежда, а на пациентке скромный свитер, плед на коленях и ни одного украшения. Понимала, что это слишком нагло — так разглядывать, но не могла отвести взгляд. Наконец-то она решилась заговорить.

— Здравствуйте, меня зовут Элис Крафт. Я — журналистка, и я пишу о вас статью. Я хотела бы задать вам несколько вопросов.

Ее проигнорировали, женщина смотрела на зашторенное окно и не моргала. Элис видела ее аккуратный профиль и слегка подрагивающие длинные черные ресницы. Сколько ей лет? Кажется, тридцать, судя по имеющейся информации, но на первый взгляд Элис бы затруднилась ответить на этот вопрос. Иногда бывают люди без возраста. Пока не заговорят, ты реально не можешь понять: перед тобой умудренная опытом взрослая женщина или

наивный ребенок.

— Лия, — Элис не сдавалась, — ваши преданные фанаты мечтают прочесть о вас, узнать, как вы, хоть одно слово от любимого автора.

И снова тишина. Черт. Кажется, медсестра была права — разговора не выйдет. И зачем она перлась в эту глушь, непонятно. Еще несколько попыток, и можно заканчивать эту работу не начиная. В первый раз Элис уехала ни с чем. Она так и не заговорила с ней, а Крафт втайне радовалась, что с чистой совестью может оставить эту статью. Ну, или отделаться очерком об отзывах и книгах.

Она влетела в кабинет Джонни и, с трудом скрывая свою радость, сообщила, что интервью не вышло и в течение нескольких дней Элис предоставит ему статью.

И вот тогда ее словно ледяной водой окатили. Милтон сказал, что эта статья не нужна ему в течение нескольких дней. Что она может взять сколько угодно времени, но поговорить Милантэ обязана, а самое главное — найти ее черновики, и что сейчас самое время показать себя, если Элис рассчитывает на постоянное место в журнале. Он то кричал, то переходил на умоляющий тон, то снова кричал, и она не понимала, какой дьявол в него вселился. Под конец он сказал, что Элис может считать это экзаменом и, если не добудет нужный материал, попросится с этой работой.

В тот день она ушла с работы намного раньше. Сказать, что расстроилась, не сказать ничего. Вечером встретила с Энни, она извинялась за вспыльчивость Джоника, а потом рассказала, что статью у него заказали. Дали огромный аванс и обещали заплатить еще больше, если она будет опубликована, но самое главное — этот кто-то хотел получить черновики писательницы.

В противном случае они или он, Элис так и не поняла, кто именно, угрожал закрыть журнал. Она спросила, «почему я?». В редакции полно талантливых журналистов со стажем, Энни пожалала плечами и сказала, что Джон никому не доверяет. А она вроде как родная. Близкая. В общем, они уговорили. В тот вечер Элис начала читать книгу Милантэ. Приехала расстроенная домой, забралась на диван с ногами и, выкуривая сигарету за сигаретой, принялась за чтение, поглаживая кота за ухом. Выбрала наугад и открыла.

Когда закончила читать, уже было утро. Элис не поняла, что плачет, что выкурила пачку сигарет за несколько часов, что у нее красные глаза, словно в них насыпали песок, и она точно сегодня не уснет. Это была не просто книга. Не просто любовный роман. Она вывернула ей душу наизнанку, выпотрошила мозги, стерла все то, что она вообще когда-либо читала, из ее памяти. Ничего подобного с ней раньше не происходило. Элис не покидало ощущение, что это не вымысел и автор писала о том, что прочувствовала сама. Иначе она вообще ни черта не понимает в людях. Элис снова влезла в ее блог. В ранние записи. Она искала те самые признаки безумия, неадекватности и не находила. Лия казалась ей уравновешенной, рассудительной, интересной и очень простой. Без присущего популярным людям высокомерия. Оказывается, она замужем или была замужем. Так как в Интернете Элис нашла ее семейные фотографии. На них Милантэ выглядела счастливой, влюбленной женщиной. Интересно, это муж упек ее в психушку или все же она действительно настолько невменяема?

Вечером Элис снова поехала к ней. Ничего не добились, та опять молчала, смотрела на зашторенное окно, не моргая, сжимая тонкими пальцами поручни кресла. Журналистка пыталась ее разговорить, задавала вопросы, а ее игнорировали, словно она пустое место. Элис не удавалось заинтересовать писательницу совершенно, казалось, она думает о чем-то

своём.

Она даже ни разу не посмотрела на посетительницу, не проявила ни малейшего интереса. Когда журналистка вышла из комнаты для встреч, наткнулась на все ту же медсестру, и они разговорились, вышли на лестницу покурить. Тэсс рассказала ей, что ухаживает за Лией уже несколько месяцев, что именно ради нее и перевелась в эту клинику, она ее фанатка и готова присматривать за ней столько, сколько понадобится. Элис постепенно начинало казаться, что все, кто приближались к этой женщине, попадали под какой-то странный гипноз, под ее мощное влияние, которое чувствовалось даже в безмолвии. Это все ореол тайны. Извращенное человеческое любопытство. От Тэсс она узнала, что Милантэ попала в лечебницу больше чем полгода назад. Ее диагноз: маниакально-депрессивное расстройство психики, тяжелые галлюцинации и склонность к суициду. Попросту человек спутал реальность со своими книгами, периодически «уходил» в свой мир и почти не возвращался оттуда. На вопрос, почему она сожгла себя, та сказала, что не делала ничего подобного и это сделал кто-то другой. Кто? На этот вопрос женщина не ответила. Более того, это сама Лия считает, что ее ноги обгорели до кости, так же как и руки. На самом деле она получила незначительные ожоги, не имеющие ничего общего с ее невозможностью ходить.

— Она считает, что ее пальцы обгорели до мяса и что она не может ими шевелить, а тем более писать. Ее мучают дикие фантомные боли, и мы колем ей успокоительное. В остальное время она совершенно спокойна. Иногда... очень редко говорит мне несколько слов. Наверное, все талантливые люди немного сумасшедшие. Да и тонка грань между гениальностью и безумием. Талант сам по себе не норма, а отклонение от нее.

— То есть физически она совершенно здорова?

— Да. Полностью. У нее и шрамов почти не осталось.

— А где ее муж?

Тэсс пожала плечами.

— Не знаю. Говорят, она ушла от него год назад и переехала в другой город. Лия полячка по происхождению. Сюда переехала в юном возрасте, совсем девочкой. Я мало знаю о ее прошлом. Только то, что она сама рассказывала в блоге. Вы приходите почаще, я вижу, ей нравится ваше присутствие.

— А что говорят врачи? Возможно ли выздоровление?

— Этого никто не знает. Болезнь души — это не болезнь тела. Нет никаких прогнозов.

Иногда ей легче, иногда, наоборот, хуже.

— И как часто бывает хуже?

— Нет никакой закономерности. Иногда несколько недель она спокойна, а потом рецидивы.

— Рецидивы?

— Да. Она требует принести ей ноутбук или тетради. Дать ей возможность писать. Мы приносим, а она не может шевелить пальцами, кричит, плачет. Со стороны может показаться, что ей реально больно, словно эта дикая боль мешает ей прикасаться к клавиатуре или даже к шариковой ручке, но, тем не менее, она спокойно трогает другие предметы. Потом она зовет какого-то мужчину по имени. Громко зовет. Постоянно. Иногда пишет его имя на стенах.

— Она же не может писать.

— А вот это загадка для нас самих. Она пишет кровью. Прокусит палец и выводит на

стенах. Жуткое зрелище.

— Вы знаете, кто это?

— Нет. Понятия не имею. Мне так ее жаль. Она такая нежная, беспомощная, хрупкая. Сердце разрывается от ее страданий, и никто ничем не может ей помочь. Только лекарства, которые колют насильно. Больше мы не ведемся на ее просьбы, потому что они провоцируют жесточайшие приступы.

— А кто оплачивает ее нахождение в клинике? Кто ее привез к вам?

— Не знаю. Я перевелась сюда, когда узнала об этом, спустя месяц после попытки суицида. Вся информация у Стэнли. Главврача. У меня нет к ней доступа.

— Ее кто-то навещает?

— Нет. Никто. За вас замолвили словечко и, видимо, приплатили. Официально все посещения запрещены.

— Почему? Она ведь не агрессивна.

Тэсс пожала плечами.

— Не знаю. Да и не мое это дело. Значит, есть причины. Вы тоже сильно не распространяйтесь. Узнает Стэнли — и вам запретят здесь появляться. В журнале прописывают, что вы навещаете другую пациентку.

Этой ночью Элис прочла еще один роман и снова уснула только под утро. Ее мучили кошмары. Она видела горящую живьем женщину, и та громко кричала, звала на помощь. Проснулась Элис в холодном поту. Хуже всего, что ей казалось, будто это она горит и громко кричит, у нее даже сел голос. Нужно найти эти чертовы черновики и завязывать с этой статьей. Но уже возник профессиональный интерес и дикое любопытство. Так бывает, когда вдруг появляется возможность заглянуть через окно в чужую жизнь, в чужие тайны, даже в чужую боль. У Элис было какое-то странное ощущение, что там, за этими равнодушными голубыми глазами, скрывается очень много тайн. И это не просто тайны, не какие-то жизненные неурядицы, сплетни и грязное белье... Нет. Там скрывается нечто, что заставило эту женщину облить себя бензином и чиркнуть зажигалкой, и Элис сомневалась, что причиной тому неудачная личная жизнь, развод с мужем, творческий кризис... Это иное. Что-то темное, непостижимое.

И она попыталась это постичь, думая, что найдет ответы в книгах. Элис прочла все, но, дочитав, вдруг поняла, что ничего особенного ей не открылось, кроме нового автора. Элис не могла с уверенностью сказать, что ей безумно понравились книги. Даже больше, она читала авторов намного талантливее Милантэ. Но... в ее книгах было нечто. Нечто завораживающее, заставляющее дочитать до конца, заставляющее покрываться мурашками или рыдать навзрыд. Некая игра слов. Самых обычных знакомых слов, которые в совокупности вдруг создавали картинку. Очень яркие. Словно окунали туда... прямо в пекло, прямо в ад. Моментами становилось не по себе, и Элис откладывала чтение. Перевести дух. Прийти в себя.

Это при первом прочтении. Она понимала, что со временем перечитает, чтобы вникнуть получше. На третью встречу она уже шла подготовленной и верила, что на этот раз не уйдет ни с чем. Но, видимо, ошиблась. Лия снова смотрела на зашгоренное окно, и, что бы Элис ни говорила ей, она ее не слышала.

Точнее, она слышала. Элис видела, знала, что слышала, но всем своим видом показывала полное равнодушие. Собственное бессилие перед чужим упрямством дико нервировало. Высокомерная зарвавшаяся стерва. Вот кто она. Прекрасно понимает и видит, что Элис это

нужно, что она не просто так приходит, не просто так выспрашивает, и все равно полное игнорирование. Где-то в глубине души возникло желание тряхнуть за плечи. Подойти и грубо тряхнуть. Недели изучения материала, потраченное время впустую. И в голове голос Милтона о том, что она лишится работы.

— Сегодня прекрасная погода, Лия. Вас вывозят на улицу? Морозный день и солнце светит. Ярко, ослепительно. Небо очень голубое. Вы сами в своих романах как-то сравнили глаза одного из героев с небесной лазурью. Именно такое сегодня небо — пронзительное, как его глаза.

Краем глаза Элис увидела, как женщина впиалась в поручни коляски с такой силой, что костяшки пальцев побелели.

— Вы хотели бы посмотреть на небо, Лия?

Элис подошла к окну и раздвинула шторы, яркий свет немного ослепил, и женщина прищурилась, но глаза не закрыла, и слегка подалась вперед.

— Когда вы писали о нем, вы смотрели именно на такое небо? Именно это вы представляли?

Элис прощупывала почву, что именно вызвало интерес, но это было очень сложно, особенно когда в ответ продолжают молчать. Интерес пропадал, вначале пальцы слегка разжались, потом и веки дрогнули, но от окна Лия взгляд не отвела. Это походило на игру «холодно» или «горячо». Но Элис казалось, что она постоянно ходит по холодной территории, всего на мгновение приблизившись к нужному направлению. Давай же, раскройся. Отреагируй хоть на что-то. Но все. Момент упущен. Крафт обессиленно поджала губы, но сделала еще одну попытку.

— Вы знаете, а я вам завидую. Когда-то я тоже писала. Ну так, на всяких форумах, блогах. Я мечтала хотя бы о десяти читателей. У вас их тысячи. Я была счастлива, когда мне писали хоть пару слов... а здесь... все они будут счастливы, если услышат хоть слово от вас. Жаль, что вы так ничего и не сказали.

Элис перекинула сумку через плечо, пошла к двери и вдруг услышала у себя за спиной низкий, чуть хриловатый голос:

— О чем вы писали?

От неожиданности Крафт чуть не выронила сумочку.

— О любви. То, о чем обычно пишут... так же как и вы...

— Я не пишу о любви... — тихо ответила та, и Элис судорожно сглотнула.

— А о чем вы пишете?

— О безумии... болезни... одержимости... но не о любви.

*Пишу тебя, не на бумаге и холсте
Пишу в строках, в мечтах, во сне...
Срываясь вниз, на дно, к тебе во тьму
Пишу тебя... остановиться... не могу...*

Ульяна Соболева

Я не понимаю до сих пор, когда это началось. Нет, я точно помню то мгновение, но не могу отчетливо назвать, с какого именно все изменилось. Так бывает, когда вечером ты один человек, а просыпаешься совсем другим. И самое страшное, что я не знала этому названия. Я боялась саму себя и пряталась за жалкими отговорками, заезженными фразами, самоутешением и ложью... Бесконечной ложью. Нет, не кому-то. Можно лгать всему миру, но самое жалкое — это лгать самой себе. Но кто может признаться в собственном безумии, кто согласен открыть на это широко глаза и принять? Я не соглашалась так долго, как это было возможно. Я боролась и сопротивлялась. Я хотела оставаться нормальной.

Я не хочу рассказывать о своем прошлом, я достаточно о нем рассказала в блогах, и если вы не поленитесь, то и сами найдете. Да я уже и не знаю, кто я.

Заблудилась в себе, как в лабиринте. Нет ни одной двери, ни одного окна. Только извилистые пути, вымощенные битым стеклом, лезвиями, шипами, колючей проволокой, и все они ведут к нему. В его Ад. И я иду, с завязанными глазами, в крошечной темноте, мне слышны только удары моего сердца. Не могу остановиться. Истекаю кровью, режусь до мяса, натываюсь на стены, как слепой котенок, боюсь каждого шороха, но все равно иду, ползу, бегу. И это не он меня зовет... это я его позвала. Это я искала.

Вы когда-нибудь испытывали чувство дежавю? То самое ощущение, когда вы точно знаете — это уже было. Или человек, которого вы видите впервые, вдруг кажется вам знакомым, и вы сами не понимаете почему? Да, ведь это так просто. Каждый из нас хотя бы раз в жизни испытал это чувство, и в этом нет ничего ненормального. Верно, нет, но только если это что-то реальное: вещь, музыка, вкус, образ. Я испытала, когда впервые описывала ЕГО внешность.

Это таинство знакомства. То самое, когда, увидев мужчину, вы забываете, как дышать, как разговаривать. Вы чувствуете, как у вас пересохло в горле.

Я помню это покалывание... от затылка, вдоль позвоночника, до самого копчика. Маленькие электрические разряды и гулкое биение собственного сердца, словно увидела живую.

Я не верю, что любовь приходит постепенно. Постепенно мы учимся приспосабливаться и понимать, привыкать, а любовь — она бьет вас по голове неожиданно и с первого взгляда. Сокрушительно и беспощадно. Сдирает все защитные покровы, оголяет вас до костей. В тот же момент становишься уязвимой, голой, незащищенной. Достаточно десятой доли секунды, чтобы вы были отравлены этим смертельным ядом, и я отравилась. «Увидела» и отравилась. Так отчетливо. Застыла, пораженная узнаванием. Я не придумывала его внешность, я не размышляла над ней, как над другими. Я просто знала, как он красив. Какие пронзительные

у него синие глаза, какой ровный нос и непослушные черные волосы, какая смуглая кожа и как она пахнет. Какой порочный изгиб его чувственного рта. Соблазн... Нет, тогда еще не во плоти... хотя моя плоть отозвалась мгновенно невыносимым мучительным томлением, диким потоком крови в венах, сбитым дыханием, пересохшими губами и нервной дрожью по всему телу и болью внизу живота. Это и было начало. Только я так и не знаю, начало чего... У каждого чувств есть своя эволюция, свои этапы погружения под воду, свое время для того, чтобы полностью пойти на дно и, захлебнувшись, осознать, что вам никогда не выплыть, а потом, к своему ужасу, понять, что выплывать не хочется. Вы в лапах смерти, и вам там хорошо. Больно, страшно и до дикости хорошо. Вы в Аду... который создали сами, своими руками. Наедине с самым страшным убийцей и палачом, которого наваяло ваше собственное больное воображение.

И я погружалась в этот Ад постепенно. Я вымащивала его как одержимая, сбивая подушечки пальцев о клавиатуру, выкуривая бесконечное количество сигарет, выпивая кофе чашку за чашкой. Я не могла остановиться. Я хотела продолжать его видеть. Картинка за картинкой, кадр за кадром, строчка за строчкой. Он эгоистично вытеснял всех остальных, он словно пользовался своей властью надо мной. Я создавала чудовище. Монстра. Жуткое животное с инстинктами хищника и убийцы, и, не испытывая ни одной иллюзии насчет этого порождения зла, я все же сходила по нему с ума. Более того, я создала не человека, а нечто с неограниченной властью и способностями. Я считала это неким антуражем. Я еще не понимала, что лезу туда, куда лезть, скорее всего, не стоило. Единственное, что мне всегда казалось, что я точно знаю, какими бы они могли быть, если бы существовали на самом деле. И я опять ошибалась, потому что я понятия не имела, что это за исчадия ада, которые совершенно не подходили ни под одно определение, придуманное людьми.

Он выматывал меня морально, он вытягивал из меня все силы, слезы, ярость, гнев. Все самые сумасшедшие и невыносимые эмоции, но я видела за этими уродливыми масками звериного оскала нечто, что влекло меня глубоко в него, в его сущность. Куда-то за пределы того, что сама показывала всем остальным... на дно. И в тот же момент я создавала тот самый идеал, который сводит с ума. Прежде всего, меня саму. Ни одна сцена с ним не прошла без моего личного участия. Без полного погружения... это я дрожала от гнева, рвала волосы на голове, ломала ногти от отчаяния. Это я отдавалась ему, крича от дикого удовольствия, это я извивалась под его наглыми, жестокими ласками, умелым ртом, опытными пальцами. Это я рыдала от боли, утонченного, невозможного наслаждения. Это я ходила по краю и срывалась в пропасть запретной и извращенной страсти... настолько реальной, что, когда открывала глаза, затуманенные после сумасшедшего взрыва... с ужасом и стыдом понимала, что он был настоящим. И что мои трусики промокли насквозь, а возбужденные соски трутся о материю платья... я сжимаю дрожащую руку коленями и закатываю глаза от наслаждения.

Я отделилась от реальности, я жила в своем Аду. Варилась в нем каждый день и каждую ночь. Не помню, когда первый раз, засыпая, я захотела увидеть его во сне. Увидеть, прикоснуться, почувствовать. Вдохнуть поток его. Настоящего. А утром заплакать от отчаяния, что это всего лишь сон. Но он не приходил ко мне во сне. Очень долго.

А потом я все же выныривала на поверхность, оглядывалась по сторонам и понимала, что нужно что-то с этим делать. Что моя личная жизнь летит к чертям собачьим, что я теряю человека, который находится рядом со мной и любит меня, теряю себя. Да, все написанное о нем стало хитами продаж, да, у него появились бесчисленные фанатки, повернутые

примерно так же, как и я. Когда-то один известный автор написал в своем блоге, что для того, чтобы все полюбили образ, созданный тобой, ты должна, прежде всего, любить его сама. Возможно, это и был тот самый фактор успеха... потому что я любила, желала, изнывала. И это чувствовалось на расстоянии, этим и была пропитана каждая строчка. Нет фальши. Хочется истерически расхохотаться над самой собой, но что в этом толку? Тогда я еще верила, что все управляемо, что все разделено толстой гранью. Я здесь, а он где-то там, в недрах созданного мною мира. Моя фантазия. Безобидная тайна. Я верила, что это я его создала. Наивная. Глупая... до истерического хохота.

Пришел момент, и я решила — все. Хватит. Нужно прекращать собственное безумие. И... не смогла. Я давала себе слово — это последняя строчка, последняя книга, последний раз. Немножко. Совсем чуть-чуть, а потом в другие омуты и другие фантазии. И снова возвращалась. Как собака возвращается к хозяину.

Ему даже не нужно ее звать, она идет сама.

Один раз у меня получилось, верила, что получилось. Я попрощалась. Можно подумать, что кто-то мне позволил, но иллюзия нереальности и что все под контролем тогда у меня была более чем сильной. Ведь оставалась та самая грань... Прошли месяцы. Мне казалось, что все налаживается. Моя карьера, личная жизнь, творчество. Выходят другие романы. Вот она — свобода... и какая-то тихая тоска. Ведь придет момент, когда моя ломка станет невыносимой... а вдруг я излечилась?

Это был самый долгий перерыв. Больше полугода. Я начала забывать... точнее, я в это верила.

Я перестала писать. У меня был своеобразный отпуск от творчества. Эдакое ничегонеделание. Я тупо листала страницы Интернета, читала статьи, завернувшись в плед. Просто я тогда еще не знала, что ящик Пандоры открыт и я уже не принадлежу себе.

В тот день набрела на интересный сайт. Как раз продумывала сюжет для новой книги. Собирала материал. Наткнулась на статью об уровнях Интернета. Меня всегда интересовало темное и неизведанное. Я надела наушники и выносила в отдельный файл найденные материалы.

В них говорилось о том, что это нам кажется, что Интернет создан людьми, а на самом деле там, в недрах информационных сгустков и потоков, таится темное и неизведанное Зло. Те самые Рай и Ад. Я прочла несколько статей, подискутировала в чатах с умниками, вообразившими себя знатоками мистики и Интернета. Немного повернутыми на данной тематике. Впрочем, мне это было нужно, и я усердно копала новый материал.

Наткнулась на ссылки, ведущие якобы в тот самый уровень. Любопытство всегда было моим пороком, и пусть кто угодно говорит, что это не так, но оно погубило достаточное количество тех, кто поддался соблазну его утолить. Разве я могла тогда осознать, что все мои решения — они далеко не мои? Что мною словно кто-то управляет, толкая к грани все ближе и ближе, в ожидании, когда я сама переступлю эту черту. Я углубилась в изучение, пока не нарвалась на статью о зеркалах. Кто не знает, что такое зеркала, кого не пугали в детстве, что в них ночью лучше не заглядывать?

Вот и здесь говорилось, что есть сайты-зеркала. Они отражают информацию самых простых сайтов и искажают ее, это как некие порталы, связывающие разные слои миров. Каким наивным бредом мне все это казалось. Хотя мурашки ползли по коже. Я верила, что вполне может существовать другой Интернет, где и происходят всякие онлайн-тотализаторы, торговля живым товаром и органами, правительственные сайты, детская порнография,

убийства в прямом эфире, другая жуткая дрянь, в которую ни один нормальный человек не полезет.

Разве кто-то поверит в существование какой-то иной реальности? Созданной некими «избранными», которые, как там говорилось, продали душу Дьяволу за моменты познания истины. Я погружалась все дальше и дальше, поиски информации выводили меня на новые чаты, форумы, новые ссылки и видеоролики.

Если долго смотреть в бездну — бездна начнет всматриваться в тебя. Я смотрела в нее долгие годы... и она меня заметила.

С одного из таких ресурсов я попала на странный сайт. Полностью черная заставка. Никаких надписей. Только знаки, символы, геометрические фигуры и бегущие строки с непонятной ахинеей. словно кто-то жмет просто так на буквы и знаки. Хаотично. Бессмысленно. И вдруг среди всего хаоса значков я отчетливо прочла: «Бойтесь ваших желаний — они могут исполниться». Затянувшись сигаретой, устроилась поудобнее на диване. На экране больше ничего не происходило, я несколько минут смотрела на монитор, потом вздохнула и хотела закрыть страницу. Вверху бежала все та же непонятная строка. Внезапно выскочило окошко. Мне нужно дать согласие на использование ресурса и перечень правил. Никогда не любила их читать. Везде одно и то же. Я поставила галочку, что ознакомилась, и нажала «сохранить».

Внезапно исчезли все символы, и осталась просто черная страница. Я несколько секунд смотрела на нее не моргая, пока вдруг посередине не появились буквы.

Похоже на латынь — *evocato*. От неожиданности я вздрогнула и пролила кофе.

Внезапно все страницы закрылись, и мой ноутбук перезагрузился. Когда он включился снова, я попыталась вернуться на сайт и именно тогда обнаружила, что не нахожу больше ни одной ссылки. Более того, я вообще не попадаю на тот чат с обсуждением и даже ни на одну из страниц со статьями. Я зашла в историю браузера, но и там ничего не сохранилось. Впрочем, скопированной в «ворд» информации тоже. Я расстроилась, около шести часов потрачено впустую. Конечно, я запомнила более половины, но мне хотелось перечитать, вдуматься.

Уснула только под утро. Это был первый раз, когда он мне приснился. Ничего более реального, чем этот сон, я не помню. Никакой абстракции. Все ясно и отчетливо. Но больше всего меня поразило, что в моем сне... В моем сне это было далеко не первой нашей встречей.

Полуразрушенное здание, карканье ворон и чувство опасности. Я поднимаюсь по разрушенной лестнице. Ступень за ступенью. Их ровно девять. Каждый шаг дается мне с трудом, словно на моих ногах висят свинцовые гири. Мне страшно. Так страшно, что по спине катится градом холодный пот. А еще я знаю, что они найдут меня... идут по моему следу, дышат мне в затылок. Они. В длинных черных плащах, с пластмассовыми лицами масок-анонима. Если догонят — убьют. Нет, не просто убьют, они будут методично пытаться меня, они будут испаривать мою кожу на лоскуты, сжигать мои волосы, отрежут мне язык, выколуют глаза, они заставят меня молить о смерти. Я знаю — они могут. Они способны на все. И я упорно взбираюсь по высоким ступеням. Там, вверху, меня ждет избавление. По стенам расползаются трещины, и земля дрожит подо мной. Я вижу, как разваливаются стены и кирпичи летят хаотично вниз, раскалываясь на куски. Один из них, пролетая, испаривает мне плечо, и я зажимаю рану ледяными пальцами. Взобралась на девятую ступень и остановилась над обрывом. Смотрю вниз, и голова кружится — снег и лед, макушки елей. На

дне этой бездны я сломаю себе шею, а если не прыгну, то меня схватят ОНИ. Стены пылают огнем. Языки пламени лижут кирпичи, пол, расползаются волнами по стенам. Они обжигают мои босые ноги до волдырей. Боже! Я в Аду? Огонь приближается ко мне со всех сторон, и мне остается только прыгать вниз или сгореть заживо. И я сама не понимаю, что кричу его имя. Громко, гортанно, до боли в голосовых связках. Смотрю вниз и в ужасе закрываю глаза, делаю шаг вперед, и в этот момент меня подхватывают сильные руки, разворачивают лицом к себе и... я встречаюсь взглядом с темно-синими глазами того, кого отчаялась увидеть хотя бы даже во сне. Мое сердце готово вырваться из груди. Оно то бьется, причиняя боль, то не бьется совсем. Я цепляюсь за его плечи, и у меня подкашиваются ноги. А внутри... внутри противоестественное чувство — я была уверена, что он придет за мной. Найдет даже здесь. И нет ощущения, что я вижу его впервые... нет. Я его знаю... не просто знаю. А люблю. И это далеко не начало, а те самые отношения, где есть совместное прошлое. Из слез, боли... из самой изощренной мучительной боли и невероятного счастья, ослепительного, ощутимого на физическом уровне. Смотрю на него... задыхаюсь, и весь мир вращается вокруг нас на бешеной скорости. Я прячу заплаканное лицо у него на груди и вдыхаю запах... Внутри бьется только один вопрос, и он сводит с ума. «Как ты нашел меня? Как?...» и его ответ, разрывающий мой мозг: «Ты позвала меня...»

Я вскочила на постели. Взмокнувшая, дрожащая, с мокрыми от слез щеками, искусанными до крови губами, и взвыла от отчаяния. В ярости отшвырнула подушку и вскрикнула от боли. Замерла. Медленно подняла рукав тонкой ночнушки и почувствовала, как вся покрываюсь мурашками — на плече расползлся багровый кровоподтек, окружающий глубокую царапину. О Боже! На секунду меня затошнило от ужаса. Потом постепенно пришло и логическое объяснение. Я, наверное, так металась по постели, что ударилась об острый край прикроватной тумбочки. Выдохнула и босиком пошла на кухню ставить чайник. Вытащила пакет со льдом и приложила к плечу.

Эту неделю я одна — Стеф уехал в командировку после очередного скандала. Сейчас мы даже не созванивались. Я закурила и села на край стола. Сердце все еще гулко билось. А внутри осталось послевкусие... его запаха. Я помнила его так отчетливо, что мне казалось, он остался на мне.

Мне нужно что-то с этим делать. Так не может продолжаться. Или у меня поедет крыша, если уже не поехала. Я напишу Карен. Она детский психолог. Может, что-то посоветует. Нужно заканчивать с этим сумасшествием. Но даже рассказать об этом кому-то страшно, понимаете? Выложить всю душу, вывернуться наизнанку, понимая, что вас сочтут за чокнутую. Не каждый на это способен.

Карен назначила мне встречу. Захотела увидеться. Очень обрадовалась мне, мы не общались несколько лет. Иногда есть друзья, с которыми не нужно видеться и общаться каждый день. Они есть, и все. У дружбы нет срока годности. У настоящей. Нет какого-то начала или конца. Она существует сама по себе, как и любовь. И ты всегда знаешь и чувствуешь это. Что человеку можно позвонить посреди ночи, и он придет тебе на помощь так же, как и ты. Спустия и десять, и пятнадцать лет молчания.

С Карен мы встретились вечером того же дня. Не в ее кабинете, а в нашем любимом кафе. Заказали себе мороженое, кофе и с наслаждением погрузились в воспоминания, в общее прошлое. Она совершенно не изменилась, и, глядя ей в глаза, я понимала, как сильно соскучилась, внутри защемило от сожаления, что так долго не общались. Стало стыдно, что не звонила и не писала.

Я не знала, с чего начать, а она не торопила, поправляя короткие каштановые волосы за уши, размешивала сахар в чашке. Что-то рассказывала. Мы даже смеялись, и я видела, как искрятся ее глаза. Пришло понимание, что она счастлива, что, возможно-таки, устроила свою личную жизнь, а я даже не интересовалась. И сейчас... сейчас обратилась лишь потому, что нужна ее помощь.

Потому что я запуталась, потому что мне кажется, я увязла в каком-то липком болоте и иду ко дну. Но самое страшное, что кроме меня это болото никто не видит... а что еще хуже — я тону в нем добровольно. Этот сайт, которого не существует, этот сон, после которого на теле остались синяки, мои проблемы с мужем, на работе. Везде. Я саморазрушаюсь, и это нужно остановить.

Внезапно Карен накрыла мою руку своей.

— Что с тобой? Расскажи мне. Ты сама не своя. Ты не со мной, а где-то там. Внутри себя. Расскажи. Ты ведь поэтому написала мне?

— Я не знаю, с чего начать, — сжала руку Карен, и та переплела пальцы с моими.

— Это же я. Просто начни с чего-то. Начни с самого важного. С того, что мучает больше всего.

И я рассказала ей. Рассказала все. Она задавала вопросы, помогала не сбиваться. Когда я закончила, Карен уже сжимала обе мои руки.

— Ты не сумасшедшая, Лия. Не сумасшедшая. Посмотри на меня. Ты мне веришь? С тобой все в порядке. Так бывает. Ты творческая личность. Ты отдаешь всю себя этому процессу. Это естественно, что ты настолько погрузилась в него, понимаешь? Это говорит о том, что ты не пишешь просто так. Ты выдумала свой идеал, он зажил на страницах твоих книг, и ты увлечена им. Ты воплощаешь свою фантазию. Я не вижу в этом ничего страшного. Начни постепенно из этого выходить. Покажи своему сознанию, что его на самом деле не существует. Для этого есть куча способов, Лия. Ты только скажи мне — ты сама хочешь от этого избавиться?

Я тяжело вздохнула, повертела в пальцах зажигалку, подаренную Стефом. Вспомнила его упреки... справедливые упреки. Подняла глаза на Карен:

— Да, хочу. Я хочу вернуться в реальность.

— Давай начнем тебя возвращать. Для начала напиши ему письмо. Выложи все на бумагу. Не так, как в романе, а напиши лично, адресно. Так ты избавишься от недосказанности. Скажешь ему то, что хотела, и попрощаешься. Начнем именно с этого. Я назначу тебе встречу на следующей неделе. Приедешь ко мне в офис, расскажешь, как ты себя с этим чувствуешь, хорошо?

Я кивнула и с облегчением выдохнула. Спокойный голос Карен внушал веру в собственные силы.

— Я сейчас выпишу тебе рецепт на снотворное и успокоительное. Начни принимать. Начни спать по ночам. Уезжай куда-нибудь. Отдохни. На пару дней, на неделю.

Карен достала сумочку и желтый блокнот с рецептами. Я закурила и откинулась на спинку плетеного кресла, отпила холодный кофе. Мысли постепенно успокаивались.

Я приехала домой. Приняла душ, переделалась и села напротив ноутбука. Я несколько минут смотрела на страницу со своей электронной почтой. И меня посетила идея. Да. Я знаю, как убедить свой собственный мозг, что это бред. Прекрасно знаю. Это проще простого. Написать письмо и оставить валяться в файлах... это то же самое, что написать главу и забросить в долгий ящик.

Я открыла второй браузер и зашла на регистрацию почтового ящика. Постучала костяшками пальцев по столу. Что-то сдерживало меня, какие-то внутренние сомнения. Но я все же решительно заполнила все пустые строчки с именем, фамилией. Даже загрузила фото профиля. Тот самый образ, который больше всего напоминал... Закончила регистрацию и вернулась в свой почтовый ящик.

Открыла чистое сообщение и медленно выдохнула. Ну, вот и все. Последнее письмо к тебе, о тебе, для тебя. Последние строки, которые упомянут твое имя. И все закончится. Внутри поднималась тоска. Та самая, навязчивая, пробирающаяся по венам, заставляющая сжимать пальцы в кулаки и судорожно сглатывать пересохшими губами. Готова ли я? Хочу ли я этого? Господи! Я должна этого хотеть. Это правильно. Нужно выныривать и плыть к берегу.

Можно, я скажу тебе «прощай»?

Не жалея, даже не страдая,
Только душу мне мою отдай —
Для тебя она теперь чужая.

Можно, я скажу тебе «прости»?

Зная, что прощать ты не умеешь.
Не прощай, а просто отпусти,
Даже если мне сейчас не веришь.

Можно, я скажу тебе «забудь»?

Не меня, а просто то, что было.
Я забуду тоже как-нибудь —
Не тебя, а то, как я любила...

Вытерла слезы тыльной стороной ладони. Подпись не поставила. Несколько секунд подождала и нажала «отправить». Внутри возникло чувство пустоты.

Отошла от ноутбука к окну, и в кармане зазвонил сотовый. Стеф. Я улыбнулась сквозь слезы. Ну вот. Все наладится. Все будет хорошо. Я ответила на звонок.

Мы долго говорили. Очень долго. Наверное, я больше года столько с ним не разговаривала. И сейчас, рисуя узоры на стекле указательным пальцем, я автоматически отвечала, старалась казаться милой, нежной. Такой, какой он знал меня всегда...

Когда нажала отбой, уже думала о том, как наконец-то уеду в Европу. Стеф устроил мне сюрприз — отдых. И обещал, что приедет ко мне в конце недели.

Все, как советовала Карен. Я уеду и сменю обстановку. Я буду гулять по улицам и наслаждаться свободой... Я буду счастлива и... я забуду о нем. Он ненастоящий. Несуществующий. Пойму это, и все станет на свои места.

Я распахнула окно настежь, впуская прохладный ночной воздух. Таблетки так и не купила. Завтра. Я начну принимать их завтра. Сегодня мысленно отпущу его и завтра же займусь собой. Внизу мелькали машины. Город жил своей жизнью. Реальной жизнью.

Мой сотовый возвестил о полученном сообщении. Нехотя потянулась за ним. На дисплее светилось уведомление о полученном мейле. Мои дрожащие пальцы разжались, по

коже пошли мурашки, а сердце перестало биться совсем, и телефон упал на пол, продолжая мигать голубым экраном и белым квадратиком с изображением письма... с того самого аккаунта, который я зарегистрировала час назад.

*Ищу тебя в ночном тумане,
В слезах дождя и в мрачном небе,
Ищу тебя в самообмане,
И нахожу, где бы ты ни был...*

Ульяна Соболева

Не чувствуя ног, ощущая покалывание в пальцах и бешеное биение сердца, я открыла ноутбук. Меня трясло. Еще никогда в жизни меня так не лихорадило, как сейчас. Я понимала, что всему есть рациональное объяснение. Возможно, я указала свой адрес при регистрации, и просто пришло уведомление о новом аккаунте. Я открыла свою почту и шумно выдохнула, прочитав имя отправителя. Как удар кнута. Всего лишь имя. Придуманное мною. Я должна успокоиться. Дрожащими пальцами нажала курсором «открыть» и несколько секунд смотрела на экран. Дышать становилось все труднее, замерзли кончики пальцев. Я не помню, сколько раз перечитала. Возможно, десять или больше.

Я тебе забыть не позволял
И прощать тебя не собирался,
Ты ответила, когда я молча звал.
Позвала меня — я отозвался.

Внезапно, внизу, в правом углу появилось окошко чата, и возле имени отправителя замигала зеленая точка «онлайн». Мне стало нехорошо, до тошноты, до головокружения. Я открыла еще одну вкладку и вошла в тот аккаунт. Мое письмо светилось неп прочитанным. Зашевелились волосы на затылке. Именно зашевелились. Мгновенная реакция организма на панику, на грани с истерикой. Проверила безопасность. Все ай-пи входа только мои. Я вернулась в свой мейл и бросила взгляд на окошко чата. Сглотнув и подкуриив сигарету, решительно вбила в окошко:

Я:

— Кто это? Это шутка? Ты взломал мой аккаунт?

Замерла. Конечно, мне не ответят. Это был глюк системы. Я не могла получить мейл оттуда... Это просто невозможно. Тогда почему... почему это так походило на ответ? Внутри все сжалось, когда увидела, что собеседник пишет ответ. Пишет в тот момент, когда у меня открыты оба аккаунта, и это явно делаю не я.

Он:

— Когда-то я сломал тебе жизнь, а ты беспокоишься из-за аккаунта, малыш?

Я закрыла глаза, чувствуя, как сердце начало биться в горле и каждый нерв на теле натянут, как струна. Тихо... Тихо. Это может быть кто угодно. Кто угодно из твоей огромной аудитории. Какой-то невменяемый псих. Тебе иногда пишут такие, возможно, этот по совместительству хакер. Кто-то, кто отлично знает твои тексты и пытается тебя разыграть. Дыши, Лия, дыши.

Я:

— Это идиотская шутка. Совсем не смешно. Кем бы ты ни был. Как ты смеешь влезть в мое личное пространство, еще и иметь наглость писать мне!

Он:

— Было время, когда я писал своим языком по бархату твоей кожи... Помнишь, малыш?

По телу прошла волна дрожи, я отпрянула от монитора, стараясь успокоиться. Я слышала собственное сердцебиение и шумное дыхание в крошечной темноте и тишине. Жестокий розыгрыш, но, кроме меня, разве кто-то может предполагать, насколько жестокий? Ведь никто ничего не знает, кроме Карен.

Я:

— Кто ты? И почему я должна помнить то, чего никогда не было?

Он:

— А разве у тебя несколько вариантов того, кто это может быть, Лия?

Я:

— У меня вообще нет никаких вариантов, кроме того, что ты псих.

Внутри возникло странное чувство... совершенно необъяснимое... Он знает, что их нет. Точно. Стопроцентно знает. Я ждала ответ. Всмотривалась в квадрат чата и внутри все то замирало, то вибрировал каждый нерв. За окном послышался раскат грома и шелест дождя, а я не могла оторвать взгляд от экрана ноутбука.

Это чья-то шутка, или меня взломали. Вот и все. Я сейчас сменю пароль, и этот бред закончится не начавшись. Вошла во второй аккаунт и поменяла пароль. С облегчением выдохнула, когда после закрытия вкладки точка «онлайн» напротив его имени погасла. Вот и все. Проклятье. Так можно и с ума сойти. Нервно закурила еще одну сигарету и откинулась на спинку кресла. Завтра куплю таблетки. Тело все еще продолжало дрожать. Если бы я сейчас встала со стула, то наверняка бы с трудом устояла на ногах.

И вдруг у меня на глазах точка «онлайн» снова стала зеленой. Я поперхнулась дымом и резко подалась вперед.

Он:

— Лия... расскажи мне о себе.

Я:

— Как ты это делаешь? Зачем? Кто ты, черт тебя подери, и что тебе нужно? Откуда ты вообще меня знаешь?

Мной начала овладевать паника. Мне казалось, я задыхаюсь, а кровь пульсирует у меня в висках. Я близка к истерике, и мне страшно... Нет, я не боюсь хакеров или взлома... мне страшно, что я схожу с ума.

Он:

— Я отвечу на один твой вопрос, Лия, если ты расскажешь мне о себе.

Это слишком. Это переходит все границы. Кто бы он ни был, но это не смешно. Потому что это не может быть ОН. Его не существует. Он — плод моей фантазии. А тот, кто пишет мне сейчас, явно из крови и плоти. И этот кто-то сводит меня с ума намеренно.

Я:

— Набери мое имя в поисковике и почитай. Не знаю, зачем тебе все это. Но шутка затянулась!

Он:

— Расскажи мне о себе, и я расскажу о мужчине, который снится тебе так часто.

Я:

— Всем женщинам снятся мужчины, и иногда очень часто. Мне это не интересно.

Он:

— Хорошо, Лия. Тогда ты не узнаешь, почему тебе так больно в каждом из этих снов.

Что он может знать о моей боли?... О ней знаю только я. И даже мне она непонятна, и я ее ненавижу, потому что она реальна... а тот, кто мне ее причиняет, нет.

Я:

— У каждого есть своя боль. Кто бы ты ни был, это не твое дело. Ты не можешь знать мои сны. Тебе не кажется, что пора прекратить этот фарс?

Он:

— До свидания, Лия. Но я жду тебя здесь, в это же время, через три дня, маленькая моя. И знаешь, почему ты придешь?

Я:

— Я не приду, я уничтожу этот мейл, но мне интересно, что ты мне скажешь. Почему?

Он:

— Ты придешь, Лия. Ты придешь. Хотя бы для того, чтобы спросить, что кричит мужчина из твоих снов.

Точка «онлайн» исчезла, а я, застыв, смотрела на монитор. У меня невыносимо пульсировало в висках и пересохло в горле. Появилось непреодолимое чувство дежавю, которого я так боялась. Все тело покрывалось мурашками, и меня бил озноб. Я должна успокоиться. Я должна дышать ровнее, взять себя в руки. Это не может быть он. Его не существует. Как не существует ничего и никого из всего, что я придумала. Господи, неужели я схожу с ума? Но открытая в чате переписка была более чем настоящей. Буквы плясали у меня перед глазами, и я несколько раз перечитала диалог. Знакомые интонации, напор, властность. Ведь я придумала этот характер... Ложь. Не придумывала. Он сам проявлялся, словно прописывался невидимой рукой. Кому, как не мне, знать, КАК он может разговаривать с другими. Значит, не только мне, а и кому-то, кто придумал поиграть со мной в какие-то идиотские игры. Я зашла в настройки аккаунта и замерла возле кнопки «удалить». И в эту секунду я вдруг поняла, что не могу этого сделать... нет, хуже — я не хочу этого делать.

* * *

Научный исследовательский центр.

Особо секретный сектор «А».

Вторник. 13 ноября. 02:15

Георг Орни, системный администратор сектора «А», почти окончил ночную смену.

Он сидел за полированным белым столом напротив десяти включенных мониторов, жевал сэндвич и кивал головой в такт музыке, орущей в наушниках. В пепельнице тлела сигарета. Его засаленные, неопределенного цвета волосы упали на полное лицо. Все мониторы показывали различные графики и мигали одинаково голубыми экранами. Белый халат Орни отливал голубизной, и на кармане отчетливо виднелось пятно от кока-колы. Он

повернулся к одному из мониторов, на котором молодая блондинка в камеру онлайн танцевала стриптиз, поглаживая себя по пышной обнаженной груди. На дощечке между экранами предупреждение большими черными буквами: «Не есть, не пить, не курить на рабочем месте!»

— Да, детка! Давай! Потряси ими! Порадуй папочку!

В этот момент один из мониторов сменил цвет на фиолетовый, в углу загорелся красный квадрат с надписью:

«ВНИМАНИЕ! ВТОРЖЕНИЕ! СИСТЕМА БЕЗОПАСНОСТИ ВЗЛОМАНА».

Экран менял цвет на ярко-красный. Орни не слышал звука, он выстукивал мелодию по столу и жадно следил за танцующей блондинкой. И вдруг заметил, выронил сэндвич, смахнул пластиковый стакан с кока-колой.

— Твою мать!

Быстро набрал код доступа на центральном компьютере, запустил скан-программу. Сорвал трубку внутреннего телефона, набирая кого-то, но ему не отвечали. Он вскочил с круглого стула, наступая на лужицу под ногами, сминая с хрустом стакан. Вглядываясь в красный экран, на котором настойчиво мигала надпись с предупреждением.

— Ну, давай! Давай, сука, отвечай!

Наконец-то на том конце провода раздалось сонное «алло».

— Кто-то взломал систему. Есть прорыв! — закричал Георг в трубку, стуча по клавиатуре, запуская сканирование еще раз. Предыдущее выдало ноль обнаружений.

— Систему невозможно взломать. Это исключено. Защита имеет пять уровней. Доступа нет ни у кого. Проверь еще раз. Ложная тревога. Так бывает. Связь заблокирована. Код доступа отсутствует.

— Не бывает. Сработала система оповещения о вторжении. Впервые.

— Откуда вторжение? Это совершенно невозможно. Отследил сигнал?

— Я не нахожу ай-пи взломщика. Система слежения отсканировала всю сеть. Но датчик продолжает показывать прорыв.

— Вот и прекрати панику. Система сразу вычисляет, откуда было проникновение, и уничтожает возможность повтора автоматически, именно поэтому даже если была какая-то попытка, то она уже заблокирована и ликвидирована. Да и само вторжение невозможно. Стопроцентная защита. Не было ни одного проникновения с момента возникновения сети. Связь вообще отсутствует.

— Мы оба знаем, что это возможно в одном случае.

— Невозможно. Их не существует здесь. Иначе мы бы об этом знали. Исключено.

— Но теоретически это возможно, и ты знаешь об этом.

— Прекрати панику.

— Мы обязаны сообщить.

— Если ты это сделаешь, начнется зачистка и проверки. Они ничего не найдут, кроме твоих и моих косяков.

— А если моя теория верна? Ты понимаешь, что может быть? Граница открыта, и никто об этом не знает. Достаточно одного...

— Хватит! Не зли меня! Наблюдай. Это ошибочная тревога. Перезапусти систему, отключи предупреждение. Завтра трудный день. Только зря разбудил меня. Вали домой.

— Я сделаю запись в журнале.

— Сделай! Все! Отбой!

Орни отключил мигающий монитор и перезапустил систему. Красное окошко исчезло. Все заработало в штатном режиме. Только сейчас Георг заметил, что блондинка давно исчезла и на мониторе высветился счет. Сэндвич раскис в луже пролитой кока-колы.

— Сука! Твою ж мать! Гребаная смена!

Нажал кнопку «оплатить» и снова откинулся на спинку кресла, закурил.

— Давай, детка! Успокой меня! Станцуй еще раз!

Запись в журнале он так и не сделал.

Утром Георга обнаружила уборщица. Он был мертв. Орни убило током. Его тело обуглилось почти до кости. Разорванный провод, пролитая кока-кола, и его нога в луже пенящейся, коричневой жидкости. Замыкание вывело из строя весь сектор «А» на три часа.

Предварительная версия произошедшего — несчастный случай. Орни уснул на рабочем месте, сигарета прожгла провода, а опрокинутый стакан с кока-колой послужил причиной замыкания.

* * *

Под ногами вязкий песок, он забивается между пальцами, обжигает босые ноги.

В спину то и дело врзается приклад карабина. Точно между лопатками. Подгоняя, не давая ни секунды передышки. И я морщусь от боли. Моя спина исполосована кнутом с железными шипами, материя липнет к коже, каждый шаг причиняет мучительную боль. Руки заломаны назад, и веревка натирает затекшие запястья. Нас всего трое. Мы одеты в робы заключенных-смертников. Черные балахоны до колен. Двое мужчин и я. Мне страшно. Я знаю, что сегодня умру. Нас будут пытаться: отрезать пальцы, выдергивать ногти, протыкать барабанные перепонки раскаленными спицами, а потом расстреляют в упор, а, скорее всего, отрубят голову и снимут это все на камеру, чтобы показывать остальным. Держать их в страхе и покорности, отбивая любое желание бежать с Острова. Порождая в них фанатический ужас перед наказанием, чтоб против системы не смели идти низшие твари, возвращенные как материал, как правительственный эксперимент, предназначенный для использования в их целях.

Я иду вперед, и меня слепит солнце, волосы лезут в лицо и липнут к потной коже, покрасневшей от жары. Мне хочется пить, но мне скорее покажут, как поят шакалов, чем дадут хоть глоток.

Моя роба липнет к спине, причиняя невыносимую боль, и я понимаю, что раны не зажили. Там все разодрано до мяса после последней экзекуции. Я бросаю взгляды на мужчин, таких же приговоренных, как и я, и понимаю, что они смирились, сломались. Они хотят смерти. А я нет. Я хочу жить. Я хочу еще немного пожить, чтобы увидеть его последний раз. Увидеть, что он жив, и тогда можно умирать. Я спотыкаюсь и падаю, меня бьют ногами, и я закрываю лицо, сворачиваюсь клубком, чтобы избежать ударов, чувствую, как волоком тянут за волосы по раскаленному песку, а потом швыряют с такой силой, что я пролетаю несколько метров. В рот и в глаза набивается песок. Я кашляю и захлебываюсь. Мне больно. Мне страшно. Падаю плашмя у чьих-то ног, вижу перед глазами носки сапог, начищенные до зеркального блеска. На подошве выбит знак армии правительства Единого Континента и

латинская буква «М». Приподнимаю голову и вижу железные пряжки, высокое голенище, черные брюки, заправлены в сапоги. Пытаюсь встать на локти, и в этот момент чьи-то руки рывком поднимают с песка, и мне кажется, я лечу в пропасть, меня раздирает на части, мое сердце колотится так громко и сильно, что вот-вот раздробит грудную клетку, потому что я вижу его глаза. Синие. Как небо. Холодные и горячие одновременно. Он что-то кричит мне, а я не могу разобрать ни слова.

* * *

Вскочила на постели, задыхаясь, истекая ледяным потом. Во рту все еще привкус песка, болят глаза, и горло пересохло от жажды. Несколько минут сижу в темноте, пытаюсь успокоиться, чувствуя, как горит моя кожа, словно от долгого пребывания под солнцем. Закрываю глаза.

«Ты придешь, Лия. Ты придешь. Хотя бы для того, чтобы спросить, что кричит мужчина из твоих снов».

*Тоска и голод жадный, дикий,
Тягучий, как необратимость.
Как зверь голодный и безликий
Мне душу гложет одержимость.*

Вы думаете, что вы свободный человек. Вы видите мир таким, каким привыкли его видеть. В вас вложены все знания с рождения, и вы считаете, что это правильно. Так должно быть. Вы к этому привыкли. А у меня никогда не было этого ощущения правильности. Мне всегда казалось, что что-то не так. Внутреннее ощущение фальши. Мое идеально-стерильное окружение не больше чем бутафория.

Я любила взбираться на гору, подходить к самому краю обрыва и смотреть на Остров. Я это делала столько, сколько себя помню. Здесь, в одиночестве, я не боялась, что кто-то поймет, о чем я думаю, услышит мои мысли, подсмотрит за моими эмоциями. Ведь ни у кого из нас их не было. Ни у кого не возникало желания подняться сюда, чтобы побыть одному и подумать. Не об извечных тренировках, лекциях, сборах, уроках, экспериментах с проводами, подключенными к мозгу, а о том, кто я. Кто мы все? Люди, живущие на Острове, изолированные от Континента? Звереныши в одинаковой одежде, готовые сожрать друг друга, чтобы стать Избранными.

Мне исполнилось четырнадцать. Я нескладный подросток с длинной темной косой, перехваченной простой черной резинкой. У меня лицо с широкими скулами, раскосые светло-голубые глаза и противно-белая кожа, которая беспощадно сгорает на солнце до волдырей. Пару веснушек на переносице. Я только начинаю формироваться в девушку, и похожа на мешок с костями, торчащими ключицами, с почти отсутствующей грудью. На мне строгое темно-синие платье до колен, из жесткой материи, от которой зудит и краснеет кожа. Но я привыкла к покалыванию шерсти. Скоро зима, и на Острове уже довольно прохладно. Начнется сезон дождей. Но перед этим будет праздник. Мы, достигшие четырнадцатилетия, перейдем в новый сектор, на новый уровень. Нас вкусно накормят, мы будем стоять на площади, выстроенные в четыре шеренги, а поодаль пятая. Но нам нельзя на них смотреть.

Никто и никогда на них не смотрит. Мы знаем, что они есть, но они не такие, как мы. Они — Низшие. Они не прошли. Значит, не достойны быть в наших рядах. Низшие выполняют всю грязную работу. Им запрещено входить в наш сектор, разговаривать с нами и прикасаться, но их приводят, когда приезжает спецотряд с Континента для того, чтобы отобрать из Достигших тех, кто покинет Остров и станет достойным, чтобы жить вне Острова. Мы все с детства мечтали вырасти и быть избранными. Нас к этому вели. Но это страшное испытание, ведь после него можно стать Низшим, а не Избранным. Боялись все, но никто и никогда бы в этом не признался. Все верили в свою уникальность и исключительность. Нам внушали, вдалбливали, показывали, развивая вместе с зомбированием мозгов мысль о том, что мы должны гордиться своей участью и служить на благо Единой фракции Континента.

А они не на что не пригодны, а значит, они хуже подвальных крыс, они должны заслужить каждую крошку хлеба, которую им выдает наше великодушное правительство. Это

ужасно, они же были одними из нас. Мы вместе ели в столовой, вместе учились, знали друг друга в лицо и по именам. А теперь их словно нет. Они как мертвые, но все еще живые. Почему всем все равно? Почему никто не заступает за них? Потому что так положено. Положено их презирать и сторониться, как прокаженных. Всем наплевать на них. Когда кто-нибудь из них умирал, а они умирали от голода, от побоев, зимой могли замерзнуть на улице, я видела, как охрана тащит за ноги очередной труп Низшего за овраг. Там их закапывали.

Я прибежала на «свою» гору и плакала. Мне было страшно за нас. Страшно, что мы никому не нужны. Сегодня друг, а завтра враг. Да и нет такого понятия «дружба». Только равнодушие и фанатизм. Я понимала, что со мной что-то не так. Если всем наплевать, то почему у меня внутри появляется щемящее чувство тоски, словно тисками сдавливает сердце, и становится больно дышать, когда я вижу, как кого-то из Низших бьют ногами, или швыряют им, как собакам, помой из столовой, или вот так тащат мертвых за овраг, как старую мебель на свалку? Кого-то, такого же, как мы. С руками, ногами, глазами. Почему мы выше их? И если мы выше, то, значит, есть и те, кто выше нас. Самое жуткое — это равнодушие и презрение к кому-то, только потому что так кто-то решил. Без вины виноватые лишь в том, что их не избрали. А по каким критериям выбирают? Меня знобило от этого осознания и от страха, что я это чувствую. Вдруг кто-то узнает об этом и меня точно так же сбросят за оврагом, предварительно избив до смерти или просто застрелив короткой очередью из карабина, а те, кто сегодня со мной сидит за одним столом и смеется шуткам или стучит вилками по тарелкам, равнодушно отвернутся, презрительно поджав губы.

Потом я пойму, что мы ничем не отличаемся от Низших для тех, кто живет вне Острова. Всем этим монстрам, им тоже наплевать на нас. Им наплевать, сколько трупов похоронено за оврагом. Все сторонились того места. Пустырь. Так мы его называли. Над пустырем обычно кружили вороны, и иногда мне было страшно подумать, что, возможно, тела выбрасывали, не закопав. И я старалась туда не оборачиваться даже сейчас, когда ветер трепал мои волосы и подол платья, который прилипал к ногам, затянутым в плотные черные колготки. Я смотрела на воду, окружающую Остров, на синие волны и яркое небо над ними. Меня всегда завораживало небо. Мне казалось, что там, в небе, моя свобода. Как у птиц. Они не привязаны ни к одному месту. Они могут взлететь ввысь и наслаждаться полетом, птицы не убивают друг друга, птицы летают стаями, у птиц есть детеныши... Я как-то нашла здесь на горе гнездо и наблюдала, как взрослые птицы приносят еду своим птенцам. Заботятся о них. Вначале я не понимала, что именно они делают, а когда поняла... внутри возникло гнетущее чувство тоски. А я? Я была чьим-то детенышем? Меня кто-то любил? Какое странное слово «любил». Можно любить горячий чай по утрам или шоколад. Можно любить теплое одеяло. Но... это нечто другое. Я чувствовала... это что-то, что никогда не будет дано нам — людям с Острова.

Тот, о ком никто не заботится — обделен. Он ничтожен и несчастен, потому что не знает полноты жизни. Нам необходимо быть нужными, чтобы быть людьми, а не роботами. Нам нужно, чтобы нас любили.

Посмотрела, как заходит солнце. Я должна вернуться в сектор и готовиться к празднику. Если кто-то обнаружит мое место или меня начнут искать, не останется даже этого одиночества, которое принадлежит мне. Единственное, что здесь принадлежит мне.

Это будет моя первая встреча с Едиными, и я ждала ее как самого невероятного события в своей жизни, к которому нас готовили несколько месяцев. Мы перейдем в сектор Достигших. На их место. И будем учиться четыре года, пока однажды не выстроимся в

первую шеренгу.

А сейчас, за час до их прибытия, я смотрю на Остров и чувствую, как меня переполняет желание его покинуть. Вырваться из клетки, из рамок, стать такой, как те, кто живет на Континенте. Я считала, что они счастливчики.

* * *

Я бросала взгляды на спины третьей шеренги. Ровные, как струна, одинаковые синие спины. Некая безликость в этом однообразии, и издали кажется, что все мы одинаковые, как братья и сестры-близнецы. Только цвет волос разный, цвет глаз. Но все мы, как детали одной конструкции, ровно выстроенные в ряды. Где-то внутри меня уже зарождался слабый, едва слышимый голос протеста. Я еще не ощущала его, он был едва уловимым. Так не должно быть. Они неправильные. Они не настоящие... Или это я неправильная. Внезапно стихли все звуки, и я, как и все, повернула голову к воротам, которые разъехались в разные стороны, и я впервые увидела воинов армии Единых. Повело холодом. Дуновение Зла. Первобытного и истинного Зла. Его чувствуешь на расстоянии и покрываешься мурашками от осознания собственного ничтожества.

Высокие, в черных плащах, они пересекли черту, и следом за ними вспыхнули голубые лазерные лучи охраны сектора. Внутри возникло стойкое ощущение — они не люди.

Но я смотрела только на того, кто шел впереди всех, смотрела на него как замороженная. Сила и власть, абсолютная, внушающая ужас с первой же секунды. Нечто, чего я раньше никогда не чувствовала так явно. В этой тяжелой поступи, в пыли, выбиваемой из пересохшей земли массивными подошвами черных сапог. Я отчетливо видела, как ветер развеивает его плащ, как сверкает пряжка ремня и пуговицы. Ощутила это расовое превосходство кожей, каждой порой на физическом уровне. Скорее, угадала в каждом жесте воинов, которые сопровождали его сзади. Внутри появилось жадное, необъяснимое желание увидеть ближе. От волнения у меня даже в горле пересохло. Они приближались, и все замерло в ожидании. Шеренги разделились на две части, образуя проход и пропуская отряд вперед. И я стою с края, а, значит, они пройдут мимо меня. Сердце билось все быстрее и быстрее в такт его шагам. Удар — шаг, удар — шаг, удар — шаг. Неотвратимо. Обреченно. Оно просто впитывало его в себя. Этот образ до мельчайших деталей. Запоминая, чтобы больше уже никогда не забыть. Приговор, не произнесенный вслух, высшая мера, не приведенная в исполнение, но уже запущенная, как чудовищный и неконтролируемый механизм. С первого взгляда, с первого шага. Прошел мимо, равняясь со мной, и именно в эту секунду сердце перестало биться. Замерло. Потому что я увидела его вблизи. Меня никогда не било током, но мне кажется, я почувствовала, как вздрогнула всем телом и по коже поползли мурашки, внизу живота вспорхнули бабочки и я вместе с ними — в небо, в космос. К эфемерной свободе. Наивная... полетела в самое пекло, в Ад, на безжалостное, жестокое пламя... гореть там добровольно. Вам не нужно знать, что такое красота, чтобы понять, когда вы ее видите. Красоту чувствуют. Она заложена в сознании. Реакция на физическую привлекательность. В четырнадцать еще не осознаешь до конца, что с тобой происходит... спустя время я поняла, что это и был тот самый момент, когда я перестала принадлежать себе. Не свобода, а рабство, наркотический кайф больной зависимости. Самое ее начало, когда еще можно излечиться, но ты еще просто не понимаешь, что уже больна.

Первое чувственное волнение, самый первый взгляд на мужчину как женщина, а не как ребенок. А тогда я вообще не понимала даже самой сути этого слова «красота», но внутри появилось ощущение, что от взгляда на него я лечу с огромной высоты вниз, на такой скорости, что у меня захватило дух и обожгло глаза. Мрачная красота, завораживающая грация истинного зла, чудовищная, потому что безупречна. Идеальный профиль, ровный нос, презрительная линия чувственных губ, легкая щетина на широких скулах. Хищник. Опасный, страшный, осознающий всю силу своей власти. Небрежный и циничный хозяин вселенной по праву сильнейшего. Полоснул взглядом толпу, глядя на всех и в тот же момент сквозь всех, а меня забило дрожью, когда увидела его глаза, синие, как небо, холодные, как лед, и судорожно сглотнула, чувствуя, как становится нечем дышать, улавливая его запах. Терпкий мужской запах. Прошел мимо, а я сама не заметила, как стала на носочки, чтобы все еще смотреть, жадно, ненасытно, бессовестно, трепеща всем существом, а потом удивленный взгляд девчонки слева, и я опустила обратно, стараясь увидеть сквозь спины. В эту секунду я вдруг с каким-то отчаянием подумала о том, что до момента, как я стану в первую шеренгу, мне нужно ждать еще четыре года... четыре года до того, как я смогу стоять настолько близко, чтобы смотреть ему в лицо.

— Кто это? — тихо спросила у соседки.

— Начальник армии Единого Континента. Князь Нейл Мортифер — наш Хозяин. Остров принадлежит ему, и мы тоже.

«И я тоже...» Рядом раздался свист хлыста, и мою руку обожгла резкая боль.

— Молчать! — зашипел на нас надсмотрщик, и мы вытянулись по струнке, опустив глаза в землю. Я видела, как из-под манжеты по кисти потекла тонкая струйка крови, капающая в траву.

Хлыст с шипами вспорол материю платья и кожу под ним.

Нейл Мортифер... Нейл... Нейл... Я поднесла руку к губам и слизала кровь. На языке солоноватый привкус вместе с его именем. Вкус боли и восторга. Вкус маленькой искры, которая разгорится в неконтролируемое, опасное, пожирающее меня пламя дикой, больной, ненормальной страсти. И я не в силах ничего предотвратить. Я обречена именно с этой секунды. На руке останется тонкий шрам, как напоминание о том дне, когда я увидела его впервые.

Открыла глаза и почувствовала, как все еще тяжело дышу после этого очередного безумного сна, так похожего на реальность. Медленно села на диване, натягивая на плечи плед. Меня бил озноб. Какое привычное уже состояние с каждым пробуждением. Подняла левую руку и посмотрела на кисть — тоненький белый шрам через все запястье. Он был со мной столько, сколько я себя помню. Только почему я считала, что порезалась в детстве ножницами? Почему моя память оставила чем, но не оставила и следа, когда и при каких обстоятельствах, словно выбрала, что именно сохранить, а что стереть. Я посмотрела на часы и перевела взгляд на монитор ноутбука. Нет! Перетерпеть. Не прийти, и он исчезнет. Поймет, что я не намерена продолжать идиотские игры, и исчезнет. Снова посмотрела на шрам, провела по нему кончиками пальцев. Встала с дивана, плед упал на пол, и я поежилась от холода, в тоненьком халате на голое тело, шелк охлаждал кожу сильнее, чем если бы я была полностью раздета. Как прохладно сегодня. Подошла к ноутбуку и села в кресло, глядя на страницу электронной почты. Я могу просто смотреть. Ничего не писать ему. Ни слова. Он уйдет. А может, и вовсе не придет. Пальцы все еще гладили шрам на руке, а я смотрела на экран компьютера и вдруг почувствовала, как вдоль позвоночника прошла легкая волна

дрожжи, когда над именем собеседника зажглась точка «онлайн». Пунктуален, как сам Дьявол. Невольно усмехнулась и тут же одернула себя. Это не твой Дьявол, Лия, это кто-то, кто намеренно сводит тебя с ума, а ты поддаешься. Положи этому конец прямо сейчас.

— Здравствуй, Лия! Ты все же пришла.

Стиснула пальцы. Я не отвечу. Не отвечу, и он уйдет... а руки уже сами потянулись к клавиатуре. Пусть скажет мне, и все.

— Что он кричит в моих снах?

Игнорируя приветствие. Мне больше не хотелось играть, я хотела понять, кто он и что ему нужно.

— Расскажи мне о себе, Лия, и я отвечу на этот вопрос.

— Что ты хочешь знать? Я уверена, ты и так все знаешь, иначе не играл бы со мной в эти игры.

— РАССКАЖИ. МНЕ. О СЕБЕ. ВСЕ!

Вздрогнула, словно услышала, как он прорычал это мне в лицо. О Боже! Не ОН... и не прорычал! А кто-то... незнакомый, невменяемый самозванец написал это тебе в сообщении. «Держи себя в руках, Лия».

— Кто ты такой, чтоб я тебе все рассказывала, и что это значит ВСЕ?

— Я хочу знать о твоём муже. Почему ты вышла за него?

Спросил так, что я вдруг на уровне подсознания почувствовала себя виноватой. Ненужное и неправильное.

— А я хочу знать, зачем тебе все это и кто ты такой! — У меня снова начиналась истерика. Словно этот кто-то, по ту сторону экрана, лишал меня равновесия даже своим присутствием.

— Лия... А что ты хочешь знать больше? О мужчине из сна или обо мне?

Закрыла глаза и стиснула челюсти. Проклятое дежавю. Проклятое! Проклятое! Вопросом на вопрос! В тупик! В угол! Я хочу знать, ты и он — это одно лицо или это жестокий розыгрыш? Вот что я хочу знать, черт возьми... и я не знаю, что меня разочарует больше.

— Я хочу знать, какого черта ты взломал мой аккаунт, почему говоришь мне о моих снах? Ты не можешь знать, кто мне снится!

— Ответь на мои вопросы, и я отвечу на твой. Почему ты вышла за него, Лия?

— А почему люди женятся? Я его люблю.

Прошло не меньше пятнадцати минут, прежде чем он написал снова. Все это время я смотрела на экран и кусала губы, подводя курсор мышки к кнопке «закрыть чат», а потом к «выйти»... быстрее и быстрее. Прекратить безумие сейчас. Немедленно!

И вот он снова пишет. Останавливается и опять пишет...

— А что такое любовь в твоём понимании, малыш?

Зачем он так меня называет? Кто дал ему это право? Зачем намеренно показывает то, чего нет?... Зачем пытается быть ТАК похожим на него?

— Разве можно охарактеризовать, что такое любовь? Она есть или ее нет. Это потребность быть с человеком, общность интересов. Не знаю. Это какой-то экзамен? Зачем тебе все это? Смысл?

— Потребность быть с человеком? Общность интересов? А как же теория о притягивающихся противоположностях?

— Я не знаю никаких теорий, у любви не бывает теорий. Это мой выбор, я с ним

счастлива. Что может быть важнее этого?

— А что такое счастье, маленькая?

Я теряла терпение, я превратилась в оголенный комок нервов.

— Перестань меня так называть. Мы не настолько близки для таких вольностей. Я даже не знаю, кто ты.

— Когда-то я был не просто близок к тебе, маленькая... Когда-то я был в тебе... пока ты кричала от наслаждения в моих объятиях. Это достаточная близость для «таких вольностей»?

Вспыхнули щеки... как это порочно... и образы... образы, от которых пересохло в горле, от которых глаза подернулись поволокой.

— Это бред! Кто ты? Просто ответь, черт возьми, КТО ТЫ?

— Позови меня, Лия. Позови, и сможешь задать все вопросы, глядя прямо в глаза.

Я нервно рассмеялась вслух.

— В глаза? Смеешься? Ты ненормальный, если думаешь, что я во все это поверю.

— Поверь, малыш, тебе будет не до смеха, когда ты посмотришь в них.

Если бы он знал, как я мечтаю посмотреть в его глаза... но не этого самозванца... а настоящие. Посмотреть и пойти ко дну! Один-единственный раз... если бы это было возможно!

— Позвать тебя? А как мне тебя позвать? Я даже имени твоего не знаю.

— Знаешь! Не лги себе и мне! Ты прекрасно его знаешь! Закрой глаза. Представь ЕГО. Представь ясно. Таким, каким ты видела ЕГО, и просто позови по имени. Этого достаточно! Этого всегда было достаточно, Лия!

Так просто? Бред! Но я позову! Я это сделаю хотя бы чтобы убедиться, что ничего не произойдет, и тогда я пошлю тебя к чертям!

«Нейл... Нейл Мортифер, — стиснула челюсти и закрыла глаза, — это не можешь быть ты, потому что я тебя придумала. Это, дьявол тебя раздери, не можешь быть ты! Но если... о Боже! Я правда это делаю? Если это ты, то приди ко мне, Нейл, и докажи, что ты существуешь! Приди ко мне и скажи мне об этом сам! Приди ко мне, или я сойду с ума! Господи!»

Смотрю на экран и не могу дышать. Вижу, как гаснет точка «онлайн», как щелкают секунды на маленьком электронном циферблате в левом углу. Конечно, розыгрыш... Конечно, идиотская шутка, а ты, Лия... сумасшедшая... Нет ничего хуже уже знакомого разочарования, которое раздирает душу. То самое, с которым просыпалась по ночам, то самое, которое не покидало тебя, когда ты прощалась с ним мысленно каждый раз и не могла отпустить.

Как же холодно... как холодно... изо рта вырывается пар, и на глазах выступают слезы. Жестокая шутка!

— Здравствуй, Лия!

Внутри обожгло пламенем, до пепла, до полного опустошения, до замирания сердца, которое перестало биться, а потом снова... медленно. Удар за ударом.

От звука этого голоса задрожали руки и подогнулись колени. Резко встала с кресла и обернулась. Пошатнулась и схватилась за спинку. С губ сорвался стон, и мне показалось, я лечу в бездну.

Три года. Мне они казались вечностью. В этом месте никто не считал дни, никто не смотрел в календарь, не замечал перемен в погоде. Все дни похожи один на другой, как под копирку.

Я смотрела на лица тех, с кем проводила почти двадцать четыре часа в сутки, и не понимала, как они могут изо дня в день делать одно и то же, и при этом улыбаться, есть, спать, вставать в пять утра для утренней линейки и переключки, идти в столовую, расходиться по классам и не задумываться о том — а что дальше? Неужели у нас только одна цель — дойти до четвертой шеренги, пройти отбор и на этом все? Зачем мы? Кто я? Почему меня зовут НМ13, а не иначе? Кто придумал мне это имя? Почему я должна откликаться на него на переключке? И это не имя. Это номер. Станный, непонятный номер. Имена есть только у наших руководителей, а мы безликие носители номера. У Низших нет даже этого. Нас пронумеровали, как шкафчики в раздевалке, как бездушные предметы. Я все чаще смотрела на себя в зеркало и задавала себе вопрос — что есть я?

А еще я меня мучил страх, ежедневный, непроходящий страх. Я приняла его. Если каждую ночь вам снятся кошмары — вы привыкаете к ним или не спите по ночам. Вся моя жизнь на Острове походила на дурной сон, и что значат какие-то страхи по сравнению с неизвестностью? Чем больше проходило времени, тем страшнее мне было попасть за границы Острова. Мне перестало казаться, что там нас ждет счастье. Нас там ничего не ждет и никто. Нужно смириться, как все остальные, иначе можно сойти с ума. Я старалась не думать. Не думать о том, что каждый день я вижу то, чего видеть не должна. Не только видеть, но и помнить о том, что видела.

* * *

Я стою в третьей шеренге, и мне очень холодно, пробирает до костей ледяной морской ветер, и доносится карканье ворон с пустыря. Вчера туда отволокли четыре тела. Я видела из окна, как охрана тянет по снегу черные мешки и сталкивает за овраг. Да, их никто не закапывал, бросали там, как мусор. Зимой, по ночам, никто не утруждал себя вколачивать лопаты в мерзлую землю ради Низших, даже их товарищи. В такой мороз руки примерзнут к черенку. Солнце еще не взошло, утренние сумерки почему-то страшнее вечерних. Все кажется мертвым.словно за час до рассвета жизнь останавливалась, и именно этот час казался нескончаемым. Возникло странное сомнение, а вдруг солнце не взойдет сегодня. Потому что день принесет обжигающую жару. Все растает в считанные часы, высохнет... даже засохнет. Такова природа Острова зимой. Ночью земля покрывается льдом, а днем солнце выжигает все живое. Летом, к вечеру, льют дожди, а днем та же жара. Нечеловеческие условия. И только осенью и весной погода не имела таких диких перепадов.

Я подняла голову, посмотрела на небо, на то, как вороны кружат стаями на медленно светящем полотне, путаясь в макушках деревьев развернутыми крыльями.

Надзиратели проходили вдоль шеренги и хлесткими ударами заставляли нас выравнивать спины, кончиком плетки поднимали нам подбородки, чтобы мы смотрели четко вперед на господина Фира. Он внушал мне не ужас, не суеверный фанатичный страх, а

злость. За то, что распорядился нами, как вещами. Каждое утро кивком головы он показывал на кого-то, и тот неизменно получал удар хлыста. Не важно за что, даже просто за помятый воротник или несобранные волосы, за взгляд или лишнее слово. Он нас ненавидел. Я чувствовала это кожей, подкоркой мозга, буквально физически. Его ненависть развеивалась в полах плаща, трепетала на кончиках жидких коричневых волос, собранных в хвост на затылке, пряталась за тонкими губами, но больше всего она сверкала в его глазах противного болотного цвета. Как трясина осенью, окружавшая мою гору. А еще он ненавидел нас именно за это — за то, что испытывал к нам эмоции.

— НМ13! — Он перекачивал мое имя на языке, и мне хотелось, чтобы он им поперхнулся, закашлялся и сдох прямо здесь на плацу. Я отзывалась, делая небольшую паузу, заставляя его найти меня взглядом и еще раз убедиться в том, что он нас ненавидит. Меня особенно, и мы оба знали за что.

Фир шел между рядами, останавливался напротив меня с тонкой металлической указкой, приподнимал мою голову за подбородок и долго смотрел мне в глаза. Я никогда не отводила взгляд, как другие, я упрямо вела с ним молчаливую войну, ему это не нравилось. Нет, я не пререкалась. Никто из нас не смел пререкаться, но я не опускала глаза, и его это злило. Я видела, как сужались его зрачки, как сжимался в тонкую полоску рот и во взгляде появлялась презрительная ярость. После второго года, проведенного в секторе Достигших, я поняла, что, пока не пройдем проверку, нас не могут убить или причинить серьезный вред, даже наказывать не имеют права. Мы собственность правительства, и каждый из нас на счету. И еще я теперь твердо знала, что со мной что-то не так. Никто из моего окружения никогда не помнил тех двух часов, которые мы проводили в здании без окон, куда нас всегда приводили после обеда с главного корпуса. Никто, кроме меня.

Я каждый день проходила через ад наяву и не могла рассказать об этом ни одному человеку, более того, мне становилось ясно, что я и не должна рассказывать, как нас привязывают к креслу в круглом стеклянном кабинете, чтобы можно было наблюдать, словно за подопытными крысами. Нам прикрепляют к голове провода с электродами, приматывая скотчем, и боль выламывает все тело, заставляя мозг работать иначе. Заставляя нас показывать, на что мы способны, открывать то, что не доступно никому из нас в обычном состоянии. В такие моменты мне казалось, что я не выйду отсюда живой, потому что я видела не только себя, но и других, в таких же прозрачных кабинетах.

Видела, как БТ45 взглядом сжигал предметы и горит сам, живьем, в этом пламени, как ТЛ72 разрывает тело одного из Низших на ошметки, не притронувшись пальцем, а ОН32 сдирает с себя кожу и обрастает новой, меняет ее, как рептилия.

Когда Фир поворачивал регулятор на компьютере в моей камере, я словно проходила сквозь стены, оказывалась в таких местах, о существовании которых не подозревала. На обшарпанных улицах с разбитыми фонарями, где в сумраке скользили жуткие, объемные тени в поисках плоти, как голодные хищники. Я слышала леденящие душу крики, видела море крови и истерзанные тела. Видела существ, совершенно не похожих на нас, настолько отвратительных, что кровь стыла в жилах, и я беззвучно кричала от ужаса. Шла через языки пламени, обжигая босые ноги, заглядывала в окна заброшенных домов, спотыкалась о кости на развороченном кладбище... а иногда... это было самым невыносимым — я видела живых людей. Так похожих на нас. Но они выглядели иначе, они держались за руки, прижимались друг к другу, и смеялись. Смех. Я никогда в жизни не смеялась. Мне хотелось понять, что делает их счастливыми, что заставляет светиться их глаза, иначе, чем мои или любого из нас.

Оказывается, смотреть на чужое счастье невыносимо, когда ты сам одинок и никому не нужен. Счастье... я даже не знала, каким оно бывает. Я словно шла сквозь них, сквозь этих людей, слышала биение их сердец, чувствовала дыхание, видела мир их глазами — полный разных оттенков, запахов, звуков, и вдруг в это счастье врывались тени в черном, топтали цветы, убивали их детей, насиловали их женщин. Грязно, грубо, отвратительно, жутко. Уродливо до тошноты. Раздирали их плоть... и я видела, как разбивается счастье, рассыпается, превращаясь в пепел, насколько оно хрупкое. Видела, как смех на их лицах превращается в гримасы боли и ужаса, мне становилось страшно. Жутко. Лучше жить в боли, в одиночестве, быть никем, не знать, что значит потерять. Я кричала и рыдала, открывала глаза и находила себя на полу или у стеклянной стены, прижатой к ней заплаканным лицом. Неужели это то, что происходит вне Острова? Неужели это происходит на самом деле?

Что я вижу?... Куда меня отправляют каждый день, зачем меня мучают и заставляют переживать все это снова и снова?

А потом нас выводили на улицу, и я видела лица остальных — они были такими же безмятежными, как и утром, а у меня в ушах и перед глазами стояли жуткие крики, треск разрываемой плоти, плач младенцев и их матерей, черные сапоги, мнущие цветы, и запах смерти, который заглушает сладкий аромат счастья вонью разлагающейся плоти... Как там, за Оврагом в пустыре, где валяются кости непохороненных Низших.

Мне так хотелось верить, что это и есть кошмары, пусть все, что я вижу, не происходит наяву. Я умоляла об этом кого-то... не знаю кого. Нас не учили вере. Страх сковал мое тело, когда я впервые поняла — никто из наших не помнит, что вообще посещал корпус без окон. Безмятный блок, охраняемый псами и обнесенный высокими стенами с колючей проволокой.

Я смотрела на Фира и чувствовала, что он догадывается о том, что я не такая, и он жаждет, чтобы я выдала себя хотя бы чем-то. Но не может доказать... а еще я боялась, что это и есть тот самый брак, за который становятся Низшими, и, если кто-то узнает об этом — меня изгонят.

— Вечером состоится инициация. Всем быть готовыми. Нейл Мортифер посетит нас. Наш Хозяин.

Это всегда случалось неожиданно. Не было определенного дня, определенного часа, но именно в эту секунду я почувствовала, как сердцебиение изменилось. Каждый удар намного громче, сильнее, до невыносимости. Дыхание участилось. Мгновенная реакция просто на упоминание о нем. Вместо столовой бросилась к себе в комнату, отодвинула тумбу у кровати и лихорадочно сосчитала крестики на стене, выщарапанные шпилькой для волос — тринадцать. На месяц дольше, чем в прошлый раз. Придвинула тумбу обратно и замерла, пытаюсь справиться с волнением. Ближе, ровно на пять шагов, и я смогу видеть его лицо. Пять шагов от моего безумия. Раз... два... три... четыре... пять. Как мало и бесконечно много. Пропасть, длиной в вечность, пропасть, длиной в «никогда».

Бросилась к зеркалу. Я почти не смотрелась в него, потому что ненавидела ту, кого видела там. Потому что она была никем — НМ13, бесконечно далекой от Нейла Мортифера, настолько далекой, что могла только надеяться увидеть его с расстояния пяти шагов, а не десяти, и ради этого можно прождать еще год. А еще я понимала, что и это противоестественно — дикое чувство, которое во мне вызывало просто его имя... Нейл... Н — е-й — л... Есть что-то красивее сочетания этих звуков? Неейл. Как же мне хотелось научиться писать его, читать, выводить рядом с крестиками и проводить по буквам

подушечками пальцев, словно прикасаясь к нему. Засмеялась, глядя на свое отражение, — ты можешь только мечтать увидеть его вблизи, а прикасаться такой, как ты, к нему не положено. За это тебе отрубят пальцы, как одному из Низших, когда посмел тронуть Фира... точнее, схватить за плащ.

Мне исполнилось семнадцать, и я уже отдавала себе отчет в том, что именно я чувствовала к нему. Нас учили тому, что значит секс и как можно его использовать против врага. Мы идеальные машины для исполнения чужих желаний, и секс — это средство достижения цели. Но нам всем запрещалось пробовать это на практике, только после того, как нас изберут, мы могли получить задание, где, возможно, пригодились бы все познания в этой области. Для этого наши тела должны быть целомудренными. Возможно, наши способности вообще несочетаемы с сексом, и какой-либо из индивидуумов может испытать возбуждение, а это навредит его возможностям, исказит их.

Я изучала свое тело и покрывалась мурашками от тех сумасшедших фантазий, которые взрывали мне мозг... в них я неизменно соблазняла только одного мужчину, и он хотел меня. Это так называется — хотеть. Только ни на одном из уроков не говорилось о том, что мы тоже можем желать кого-то, это даже не подразумевалось. Мы — Нихилы — не имеем возможности чувствовать, мы можем только играть для тех, кому предназначены наши способности. Если цель нужно достичь с помощью секса, мы обязаны использовать и этот метод. Научиться распознавать желание в глазах, дыхании, жестах и играть ответную реакцию до получения результата. Уметь удовлетворить любыми способами. Когда я смотрела на Нейла... когда вспоминала его синие глаза, идеально красивое лицо, четкие скулы, чувственный рот в слегка презрительной усмешке, я видела в себе признаки этого самого желания, дикой жажды на грани с одержимостью, и понимала, насколько я ненормальная, если могу ХОТЕТЬ не достижимое, не доступное никогда для жалкого Нихила, с номером вместо имени. Он не то что не прикаснется ко мне, он даже не посмотрит в мою сторону, а если и посмотрит, то это убьет меня на месте... мне так казалось. И самое дикое — я могла бы умереть за взгляд, подаренный лично мне.

Захотелось разбить зеркало, зачем мне видеть свое отражение, если там тоже ничто. Я пройду обряд посвящения, и меня отдадут кому-то? Ведь есть заказчик, есть мой прямой хозяин, тот, к кому я отправлюсь после того, как буду избрана.

И внутри поднималась волна отчаяния, дикая тоска... я не хотела покидать Остров, я уже не хотела быть Избранной.

Я отдала TP17 свой ужин, шоколадный пудинг, чтобы поменяться местами в шеренге и стоять с краю. В прошлом году я сделала то же самое с AL23. И сейчас стояла с ровной спиной, вздернув подбородок, в ожидании, когда откроются ворота сектора и все повернут головы, чтобы встретить воинов армии Единых.

Мне казалось, что я ослепну. Но я готова была лишиться зрения. Возможно, даже на солнце не так больно смотреть, как на него. Солнце и на десятую долю не так красиво, но так же убийственно и опасно, если приблизиться слишком близко — можно сгореть, и я горела. Я пылала, как факел, как мотылек, который уже приблизился к огню настолько, что крылышки занялись пламенем. Каждый тяжелый шаг массивных сапог заставляет вздрагивать от нетерпения и в тот же момент отчаянно желать остановить время. Я падала, падала, падала. Вверх. В космос. В безграничную, бесконечную глубину. Мое падение напоминало полет на бешеной скорости... вверх... к солнцу... чтобы сгореть дотла. Его лицо... такое отрешенное, равнодушное, словно высечено из мрамора, его взгляд

замораживает полным безразличием, и в тот же момент невозможно вынести его обжигающую, ледяную силу. Наверное, если он посмотрит мне в глаза, мое сердце остановится. Никогда не встречала такого цвета... напоминавшего мое любимое небо. Настолько синее, что чистота оттенка ослепляла. Только в его небе не было свободы, я видела там плен, бесконечное добровольное рабство. Словно ледяные наручники сковывали меня, впаивали в это небо невидимыми скобами, крюками, продырявливая мою плоть и намертво скрепляя с ним. А я не сопротивлялась.

В горле невыносимо пересохло, а сердце билось как бешеное в груди. Я вижу его всего лишь третий раз... а внутри такое чувство, что всю эту никчемную жизнь я ждала именно этого момента. Да, я понимала, что Нейл руководит всем этим жутким механизмом, что им прописаны законы для Нихилов и для Низших, что это по его приказу после инициации тех, кто не прошел отбор, вышвыривают, как собак, за пределы сектора, он и есть то самое Зло, которое владеет всеми нами безраздельно. Тот, кто несет ответственность за высохшие кости на пустыре, за то, что нас пытаются в жутком корпусе без окон, и все равно я не могла ничего поделать с собой. Эмоции жили отдельно от сознания.

Нейл поравнялся со мной, и я на мгновение закрыла глаза, в изнеможении, снова впитывая этот сумасшедший запах, стараясь запомнить, чтобы смаковать потом в своей комнате. Пола его плаща задела рукав моего платья, и я судорожно сглотнула, провожая его взглядом. Такого высокого, на полторы головы выше меня самой, мощного, огромного, излучающего первобытную силу на расстоянии. Превосходство и неограниченную, поработавшую власть. Ветер развеивал его длинные черные волосы, и я тронула непроизвольно свои... Если коснуться... хотя бы раз... сжала пальцы в кулак до хруста.

— Прекрати. — Я вздрогнула и увидела, как девчонка с первой шеренги обернулась ко мне. — Не смотри так... не смотри... почувствуют! Не думай так громко! Перестань!

Отвернулась, заведя надзирателя, сканирующего ряды. Я смотрела ей в спину — ДР24. Достигая четвертого уровня. Почему она мне это сказала? Или она...

Снова обернулась и пристально посмотрела мне в глаза, я опустила взгляд.

Фир называл имена тех, кто ночью пройдет обряд, а я пыталась рассмотреть Нейла за их спинами. Он стоял рядом с Фиром, широко расставив длинные ноги в высоких сапогах, сложив руки, затянутые в перчатки, на груди. Весь в черном. И я внутренне понимала, что это его цвет. Я не могла себе представить на нем никакой другой, кроме черного.

Нейл смотрел на всех нас и в то же время сквозь нас. Я еще ни разу не слышала его. Всегда говорил только Фир. Но сегодня впервые заговорил он сам, и этот низкий тембр заставил меня закрыть глаза, чтобы не застонать вслух. Если голосом можно касаться, то именно сейчас мне казалось, что мое сердце и душа взяты в тиски и пальцы в перчатках сжимают их все сильнее, мешая мне дышать. На безымянном пальце блестела печатка с символами, и я изо всех сил пыталась ее рассмотреть.

Рассмотрела. Не сейчас, а спустя некоторое время, когда отряд покидал пределы сектора, чтобы отправиться в закрытый. В тот самый, где пройдет отбор. Нейл прошел мимо меня снова, и я впиалась взглядом в его руку, рассматривая белый металл с гравировкой.

Я узнала эти буквы. Да, мы не умели читать, но я их узнала. Это те самые, которые выбиты на моей одежде вместе с номером.

Я не поняла, что улыбаюсь. Какое совпадение. Пока меня не задела локтем ДР24.

— Идем!

Я сглотнула слюну и засеменила следом за ней. Она шла в сторону жилых отсеков, а

потом вдруг резко свернула за здание, а я, словно поняла ее, пошла следом. Внезапно она прижала меня к стене, буквально впечатала в нее за плечи так, что я ударилась больно затылком.

— Ты что? — зашипела я, глядя ей в глаза.

— Прекрати! Он — Смерть! Он — Зло! Монстр! Чудовище! Прекрати! Он — Деус!

Ее зеленые глаза сверкали, а у меня по коже расползались мурашки от ощущения, что она видит мои мысли, ковыряется в моей голове.

— Не могу! — прошептала и перехватила ее руку за запястье.

— Тогда молись, чтоб тебя не избрали. Лучше быть Низшей, чем принадлежать этому зверю, который вывернет тебя наизнанку, а потом сожрет твою душу, потому что у него нет души. Если есть в этом мире жуткое Зло — то он его начало, он его исток и сердцевина. Понимаешь?

Мое сердце колотилось в горле. Я понимала только одно, что мы говорим о чем-то, о чем говорить нельзя.

— И не ходи за мной!

Она отшвырнула меня от себя и скрылась по направлению к центральному входу в серое здание жилых отсеков.

Ночью я не могла уснуть, я знала, что он еще не уехал, он в том здании, которого я боялась больше всего в своей жизни, в том самом, где меня пытали и погружали в пучину боли и ужаса... скорее всего, по его приказу.

Я легла в постель и наконец-то, закрыв глаза, смогла смаковать каждое мгновение этого вечера. Перебирать по крупичкам, отсеивать самое драгоценное, чтобы спрятать в шкатулку памяти и иногда вытаскивать, любоваться. В темноте, в тишине.

Но я так и не уснула. Внутри поднималось дикое желание увидеть его еще раз. Жадное, безумное. И я не могла сказать себе «нет».

Они уедут на рассвете, и, если я спрячусь, укроюсь в ночном мраке, никто меня не заметит. Никому нет дела. Низшие тоже спуют по Острову по ночам. Понимала, что это рискованно и опасно, но соблазн был настолько велик, что у меня сводило скулы. Мысль о том, что следующий раз будет только через год, придавала моему желанию окрас отчаяния.

Быстро оделась и юркнула по коридору вниз. Вылезла через окно на первом этаже и побежала в сторону безымянного корпуса, затаилась за кустами, дрожа от холода, пряча руки в натянутых по самые кончики пальцев рукавах пальто.

Лучше бы я этого не делала. Лучше бы лежала в постели и перебирала свои «драгоценные» воспоминания, потому что то, что я увидела, перевернуло все. Разделило мою жизнь на до и после.

Из корпуса выносили людей, их швыряли прямо на обледенелую землю в нескольких шагах от меня, и я с ужасом узнавала в них Достигших четвертого уровня. Хотя в них уже вряд ли можно было узнать людей. Истерзанные, избитые — они походили на куски мяса. Значит, вот как заканчивается для Низших инициация.

А потом надзиратели вытащили ту самую девчонку — ДР24, ее не бросили к остальным, ее потащили за волосы ко второму корпусу. Волоком по обледенелой земле, я видела, как она упирается ногами, слышала, как кричит и умоляет. Пригнувшись к земле, я юркнула в приоткрытые ворота, прокралась за ними и застыла, увидев наяву все то, что мне показывали в моих кошмарных видениях.

Ее насильовали надзиратели. Все шестеро. Они драли ее на части, били ногами, швыряли

к стене, ставили на колени, каждый тянул на себя истерзанное женское тело. Я слышала их брань и ее крики, звуки ударов, ее захлебывающиеся стоны и, стиснув пальцы, зажмурив глаза, понимала, что оцепенела, что внутри меня зарождается сумасшедшая волна ярости и боли, что меня душат слезы.

Они оставили ее спустя час, а я все это время сидела в кустах, кусая губы до крови, чувствуя, как схожу с ума от ужаса и жалости. Они больше не были для меня безликими Низшими, на которых нельзя смотреть... у них появилось лицо. Ее лицо, искаженное от боли, опухшее, с кровоподтеками, разодранным ртом, заплаканное. И я никогда не забуду рычание надзирателей, глумящихся над ее телом. Вот и обратная сторона секса... грязная и уродливая.

— Соси, сука. Давай раздвинь ноги пошире! Никто! Ты, сука, никто! Ты сдохнешь, и всем на это наплевать! Твой грязный рот должен сосать, а не разговаривать, иначе тебе отрежут язык!

Мне хотелось закрыть уши руками и кричать до хрипоты, чтобы они остановились.

Ее вынесли за руки и за ноги, швырнули за территорию сектора.

С этого момента у нее больше нет даже номера.

Я пробралась обратно за ворота, увидела, как она встает с земли, как шатается, как ее скручивает пополам в страшном приступе тошноты и ее рвет в снег. А потом заметила меня и отрицательно качнула головой, пошла в сторону горы... моей горы, а я за ней, размазывая слезы, стараясь не упустить из вида голые ноги, залитые кровью. Я не знала, зачем шла следом... во мне возникло какое-то непреодолимое желание обнять ее. Вот так сжать двумя руками до хруста и не выпускать. Я чувствовала, что это необходимо.

ДР24 взобралась на вершину, к обрыву, остановилась на самом краю. И только тогда я поняла, что она хочет сделать, когда из-под ее ног мелкие камни полетели вниз, и она посмотрела на небо.

— Не надо! — прошептала я. — Не надо, пожалуйста!

ДР24 обернулась ко мне, балансируя на носочках, и я задохнулась, увидев в ее глазах отражение смерти. От нее веяло холодом, льдом... у меня появилось ощущение, что никто и ничто уже не держит ее здесь.

— Нет никакой жизни за Островом, НМ13! Только смерть! Все они мертвы! И ты умрешь! Я сегодня, а ты чуть позже! Мы все мертвецы! Все!

Я, тяжело дыша, смотрела на нее и чувствовала, как все тело покрывается ледяным потом, как он стекает между лопатками, как шевелятся мои волосы.

— Они убьют вас! После задания или до! Никто не выживает! Почти никто! Так какая разница, когда? Вы все у них в списках мертвых! Все!

Мне хотелось закричать, что она лжет! Вне Острова нас ждет иная жизнь, ДР24 ошибается, и... Но я не могла произнести ни слова.

— Все вы — мертвые! Запомни — все!

Распахнула руки и шагнула назад. Я закрыла рот обеими ладонями, чтобы не закричать. Услышала глухой звук падения тела на камни внизу пропасти и вздрогнула, чувствуя, как по щекам текут слезы. Утром ее найдут надзиратели и выкинут за Овраг.

Меня выворачивало наизнанку. Сознание подбрасывало проклятые, грязные картинки, одну похлеще другой. Бред наяву. Чистое безумие, бешенство, исступленная ярость, а я разносил свой дом в хлам, ломая стены кулаками, ломая костяшки пальцев, сбивая их до мяса, до костей. Хотелось орать, выть и... убивать. Драть на ошметки, на куски. За то, что не узнала. За то, что не поверила. За то, что забыла! Полюбила! Она, мать ее, полюбила другого! Я искал ее столько лет, я, к такой-то матери, перевернул эти проклятые законы, эти гребаные, разделяющие меня с ней границы, я ждал этой минуты с терпением одержимого ею психопата, чтобы найти и понять, что она не МОЯ!

Черта с два! Моя! Вся! Целиком моя!

Чувства способны преодолеть любое расстояние? Настоящая любовь выдержит любую разлуку? Она так говорила — грязная, человеческая ложь! Отдушина для слабохарактерных идиотов! Только находясь рядом с женщиной, ты можешь рассчитывать на ее чувства и верность. Стоит отдалиться, и она с легкостью найдет тебе замену. Другой вопрос, нужна ли тебе ТАКАЯ любовь. Да! Мне, мать ее, была нужна, как гребаный воздух, как поток кислорода в этом вонючем мире серной кислоты, разъедающей каждого предательством, ложью, лицемерием, жадностью... мне была нужна ее любовь! Мне, зверю, не способному ранее ни на одну эмоцию, кроме жажды убивать и пожирать чью-то боль!

Пытался успокоить себя, напоминая, что это не ОНА. Это не моя Лия. Они изменили ее намеренно. Я сам изменил ее намеренно. И я ведь знал, к чему это может привести. Не мог не понимать, что перестану существовать для нее окончательно. Но я пошел на этот шаг. У меня, бл***, не было выбора!

И, возможно, сделал правильно, подарив ей возможность прожить вторую жизнь. Хотя нет. Не вторую — единственную. Жизнь, которой достойна такая женщина, как она. Женщина, а не жалкий Нихил, возвращенный для достижения чьих-то целей! Вот только почему тогда внутри так пусто, будто все истлело к дьяволу, оставив после себя сжирающую, ледяную пустоту? Почему от мысли, что посмела принадлежать другому, хочется растерзать ее, убивать бесконечно долго, вырывая мягкую плоть клыками, наживую, доводя до мучительной агонии, и наслаждаться ее болью? Почему мне хочется видеть ее глаза и слезы в них? Она узнает меня! Я был уверен в этом. Если не узнает, то почувствует. Должна почувствовать, дьявол ее раздери!

Коснулся руками медальона в кармане брюк. Вытащил и усмехнулся, глядя на растрепанную испуганную девчонку на фотографии. Невзрачная, худая, с огромными голубыми глазами. Не человек. Ничто. Нихил. Она была создана по моему приказу. Она не имела никаких прав. Абсолютно никаких. Только обязанности. Слушать и беспрекословно выполнять любые задания. Она была одной из многочисленных, одинаковых деталей огромного механизма, призванного укрепить нашу власть, сделать ее безграничной. Смертная малышка, посмевавшая пойти против системы, маленькая и хрупкая, на деле оказавшаяся сильнее самых влиятельных существ в обоих мирах.

Провел большим пальцем по изображению, вспоминая, как увидел впервые. Как ее приволокли ко мне избитую, в разорванной одежде, напуганную, но в то же время не сломленную. Она боялась. Ее практически колотило от страха и голода, но упрямая оборванка не отводила взгляда, гордо вздернув подбородок и тихим, но твердым голосом

отвечая на все мои вопросы.

Гораздо позже она расскажет мне, что это была далеко не первая наша встреча. Что та состоялась на четыре года раньше. Маленькая девочка, не знавшая ни ласки, ни заботы, не имевшая права на эмоции и привязанности, влюбилась в единственного, кого нельзя полюбить. Кого нужно лишь бояться и ненавидеть.

Деус. Божество. Первобытное Зло, как оно есть в своем истинном облике. Глупые люди в паническом страхе называли нас именно так, преклоняясь перед нашей силой, ужасаясь беспощадности и кровожадности существ, несущих им смерть. Такова уж примитивная человеческая сущность. Слишком слабые по сравнению с нами, люди предпочли служить Деусам, чем открыто противостоять.

Да, у них и не было шансов выжить в таком случае. Что есть человеческая жизнь для нас? Не более чем удобный инструмент, призванный облегчить мою собственную. А после... после достаточно сделать всего лишь щелчок пальцами, и та самая пресловутая душа покинет хрупкое тело, и оно падет замертво к моим ногам тонкой пустой оболочкой. После того, как я сожру душу, если в тот момент мне не будет хотеться крови.

И она... она ведь тоже была такой. Всего лишь оболочкой, созданной по моему требованию. Моя собственность. Смертная. Не подобная нам. Не рожденная, не знавшая детства, не видевшая эмоций, лишенная права выбора и воли. Механическое создание. Маленькая частица из всей той серой массы, что обитала на Острове. Но, вашу мать, какая частица! Она выделялась даже на фоне своих. На приемах, где присутствовали Избранные, в тренировочных центрах, где Нихилы показывали свои способности, она выделялась даже среди них. Придурки смотрели на нее с презрением, отворачиваясь в сторону, игнорируя ее присутствие, потому что она так и не стала Избранной. А она была лучше их во всем, раз за разом доказывая, что они и в подметки ей не годятся!

Да, дьявол, да! Я так и не смог уничтожить ее. Не смог сам. И не смог отдать приказ сделать это другим. И, черта с два, дело было не только в ее способностях или в том, что мне позарез нужен был хороший проводник. И даже не в надвигавшемся перевороте. Причина была в ее ясных голубых глазах. Будь они прокляты! Посмотрел в них и увидел всю ее. Почувствовал кожей. Понял, что не отпущу. Гордая. Умная. Настоящая. Она, мать ее, всегда была настоящей. Даже сейчас, когда находилась в другой реальности. Когда я не мог слышать голоса, не видел лица, я ощущал ее через расстояние и гребаное время!

А в моем мире лжи и жестокости, в мире фальшивых эмоций и холодных взглядов, пропитанном кровью и болью, она словно пламя костра в беспроглядную ночь. Живая. Яркая. Обжигающая. Особенно на фоне тусклых смертных, сновавших в тот день по дому. Даже по сравнению со стражами, привезшими ее ко мне. Они казались пустым местом. Слово фон, оттеняющий на холсте художника центральную композицию картины, к которой невольно возвращаешься взглядом раз за разом. Они грубо сжимали ее руки, и я чувствовал, как поднимается волна злости за то, что причиняют ей боль. Это моя собственность. Моя вещь. Создана для меня. Причинять боль и не причинять — решаю только я. Убить, покалечить, пытать сутками — тоже только я. А затем вторая волна ярости, уже на себя. Какое мне дело до боли этой презренной, являющейся по сути никем?! Почему мне хочется разорвать этого жирного подонка, посмевшегося коснуться ее? И какого дьявола я завидую его пальцам? Почему сам хочу почувствовать, какая на ощупь ее кожа? Демон ее раздери, она же ничто! НМ13. Без имени. Без фамилии. Помечена, как любая моя вещь, как униформа или зажигалка. Каждую ночь в моей постели были женщины в сотни раз красивее

ее, изысканные, роскошные, опытные, способные соблазнить любого бессмертного, а мой взгляд то и дело соскальзывает к пухлым губам, тихо произносящим ответы на мои вопросы, и скулы начинает сводить от желания познать их вкус. Мягкие ли они или твердые. Испугается ли она поцелуя, подчинится ли молча моей воле, в страхе не угодить Хозяину?

Я видел ее впервые, всего лишь минуту, но я был уверен — ни за что не покорится. Скорее, оттолкнет, зашипит, возможно, даже посмеет ударить... или ответит. Страстно, жадно. Я был уверен, что она именно такая. Я упивался ее эмоциями, ее силой, завораживающей и необычной, скрытой в тоненьком теле девушки-ребенка.

Приказал отменить казнь и оставить ее мне, нарушая установленные собой же правила, а когда начальник стражей посмел нахмуриться, обдумывая мое требование, убил его на глазах остальных, остановив сердце одним взглядом. Это была моя первая жертва, принесенная во имя нее. Потом я потеряю им счет, перестану считать жизни, отнятые у смертных и бессмертных для того, чтобы билось ее сердце, для того, чтобы слушать ее дыхание, чтобы знать, что она со мной, принадлежит мне. И не только как носитель уникальных способностей, но и как женщина. Как моя женщина. Пусть даже она стала ею не сразу, а через несколько лет.

Несмотря на то, что приходила в мою спальню сама. Не просила, но предлагала. Не словами, но решительным взглядом, страстью, которой дышали ее глаза, робкими движениями рук, придерживающих завязки легкого платья. А я зло насмеялся над ней, ощущая, как разрывает брюки эрекция, как ломит кости от желания схватить ее в объятия и сжимать, оставляя синяки на молочной коже, чувствовать хрупкое тело под своим, врваться в горячую плоть, заставляя кричать от наслаждения. И в тот же момент презирал ее за это. Она ничто, ей запрещено даже прикасаться ко мне. Иногда хотелось лично содрать с нее кожу живьем, избить до полусмерти или изуродовать, чтобы не хотеть. Смотрел на нее, наполняясь ненавистью и яростью, сжимая челюсти, кулаки до хруста, и понимал, что не могу этого сделать. Прогонял вон, к дьяволу, подальше с моих глаз, чтобы не сорваться.

И я бы взял ее в первую же ночь, когда вместо очередной сочной девицы, сладострастно извивавшейся на моих коленях, вдруг ясно увидел ее лицо, представил, что это она вцепилась в мои плечи, откинув голову назад, что это ее темные локоны касаются моего тела, что это ее упругую грудь ласкают мои руки. Но она была проводником. Очень сильным проводником, и взять ее девственность означало лишиться ее львиной доли способностей. А этого позволить себе не мог даже я, не в том положении, в котором оказался на тот момент, не во время переворота, который мог перевернуть всю иерархию Единого континента. Лия нужна была мне, в первую очередь, для политических целей, а с тех пор моими любовницами становились только голубоглазые миниатюрные брюнетки, похожие на нее внешне, но не имевшие и половины той жизни, которой светилась она. И никто кроме меня не знал, каких усилий мне стоило подавлять тот адский огонь, который она во мне пробуждала одним только взглядом.

* * *

Я падаю быстро, так быстро, что меня тошнит от неожиданности... и от бешеного восторга... от ужаса и от первобытного чувства триумфа... Он был прав — я смотрела в ярко-синие глаза, и мне было не до смеха. Потому что я его узнала. Потому что это ОН.

Потому что именно таким я его и представляла... или помнила... или... О Боже — знала? Мне хотелось рыдать и оседать на пол, сползая к его ногам в изнеможении и неверии... И из моей груди вырывалось не дыхание, а судорожные всхлипывания, которые я не могла контролировать.

Я смотрела на него и понимала, что должна закричать, чтобы проснуться. Только во сне я никогда не сомневалась в том, кто он, а сейчас мне казалось, что я брежу наяву. И одежда... он одет, как Нейл из моих снов... Взгляд на сапоги, на широкий ремень. Во всем черном, и его кожа отливает бронзой, контрастируя с иссиня-черными волосами и матовой материей рубашки, наглухо застегнутой на все пуговицы. Сделал шаг ко мне, и я впиалась пальцами в спинку кресла, прижимаясь к ней спиной, с такой силой, что заболели кости, казалось, они раскрошатся. Это был он, и в тот же момент не он. Словно я долгое время смотрела на блеклый снимок, а сейчас передо мной сам оригинал. И ни одна фотография... ни одна фантазия или сон не могли передать и десятой доли того, что я видела сейчас наяву. Я писала, что он красив? Да, я писала об этом... Но это не верное слово. Этого недостаточно, потому что понятия красоты у всех растяжимы и не имеют границ, а я видела чудовищную безупречность. Настолько яркую и идеальную и в тот же момент мрачную, фатальную. Красоту, в которой нет чистоты — там тьма, там мрак ада, там дьявольская смесь всех пороков вселенной и осознание собственной абсолютной власти. Она манит, и в тот же момент пугает, не радуется глаз, нет, а ослепляет до боли и понимания, что это адская бездна. Человек не может быть настолько красив. И это не человек... это некто, обладающий неограниченной силой, не только физической. И от осознания этого меня начало лихорадить. Потому что я чувствовала рядом с собой зверя, хищника, который пришел за своей добычей. Убить он может, не прикоснувшись и пальцем.

Нейл смотрел на меня так, словно я принадлежала ему... так не смотрят на незнакомку, так смотрят на свою собственность. Я бы не смогла описать его взгляд просто словами.

— Узнала! — В голосе нотки триумфа. — Не можешь поверить, Лия? А ведь это я. Поверь своим глазам, малыш.

Слышу его голос. Наяву он намного глубже, гортаннее. Хриплые нотки, низкий тембр, каждое слово выбивает почву из-под ног и лишает рассудка. Мне холодно и жарко одновременно. Мое сердце то бешено колотилось, то останавливалось. Я смотрела на Нейла так жадно, как, наверное, смотрит путник в пустыне на мираж, зная о том, что это всего лишь плод больного воображения, но давая глазам насладиться в полной мере. И в тот же момент мне страшно. Что бы это ни было, но какими-то силами Ада он все-таки передо мной. Во плоти.

Коснулся моей руки чуть ниже локтя, где заканчивался рукав шелкового халата, и я замерла. От прикосновения захватило дух, с трудом сдержалась, чтобы не закрыть глаза от наслаждения чувствовать его пальцы на своей коже. Я ощутила даже запах. Терпкий, с ума сводящий, настолько реально, что вздрогнула. По телу поползли мурашки. Я не могла ни пошевелиться, ни сказать ни слова. Нейл провел ладонью по моей шее, спускаясь чуть ниже, заставляя меня задыхаться от желания сбежать и одновременно закатить глаза в изнеможении. В каждом первом прикосновении есть новизна, всплеск незнакомых ощущений, и это пьянит, вызывает чувство эйфории... но я испытывала совсем иные эмоции. Никакой новизны — мое тело реагировало на него, как на наркотик спустя долгое время воздержания, как после затяжной болезненной ломки в диком голоде и иступленной жажде... узнавая уже испытанный кайф.

— Я не плод твоих фантазий. Я настоящий, малыш. Самый настоящий!

Резко выдохнула и закрыла лицо руками. Не смотреть. Это сумасшествие. Впила пальцами в свои волосы, стараясь отрезвить себя болью.

— Бред! Тебя нет! Это не можешь быть ты! Я хочу проснуться. Сейчас. Немедленно!

Я говорила шепотом, бессвязно, надеялась, что, когда отниму руки от лица, его здесь не будет. Я тихо молилась про себя, чтобы он исчез. Призывала все свои внутренние силы избавиться от навязчивой галлюцинации. Справиться с этой фантазией. Только он слишком реален. Его ладонь на моей шее, а другая сжимает мой подбородок, а еще... я точно знаю, что если открою глаза, то встречу с его взглядом, и самое дикое — я также знаю, каким будет этот взгляд. Чуть прищуренный, тяжелый, как свинец, невыносимый, невозможный.

Почувствовала, как Нейл сильно сжал мои руки за запястья и отвел от лица, в следующую секунду меня обдало жаром, словно все нервы оголились, потому что под своими ладонями я почувствовала его скулы. Нейл прижал мои ладони к своему лицу. Я ощущала его кожу и даже легкую небритость. Судорожно вздохнула, а потом зажмурилась до боли, до черных пятен перед глазами, потому что моих пальцев касались его губы. Мягкие, слегка влажные и очень горячие.

Он приказывал посмотреть на него... и этот голос проникал мне под кожу, так глубоко, что, казалось, сожжет меня изнутри, отравит несбыточностью иллюзии, сведет с ума окончательно. Потому что какая-то часть меня хотела поддаться этой галлюцинации, жадно гладить его лицо, проводить пальцами по губам и... разрыдаться. Мне казалось, я близка к истерике.

Нейл сжал мои руки с такой силой, что я поморщилась и тихо всхлипнула. Все тело сжалось в пружину, и внутри тикал часовой механизм до взрыва. Дыхание сбилось совершенно, и я слышала собственное сердцебиение.

— Посмотри на меня, Лия!

Я хочу убедиться, что я не сумасшедшая. Только не смотреть в глаза. Расстояние. Пусть такое ничтожное, но все же расстояние.

Медленно подняла веки и встретилась с ним взглядом. Слишком близко, так близко, что я чувствую его каждой клеточкой тела, каждым взмахом ресниц, каждым трепетом губ и дрожащим подбородком.

— Хорошо... — Голос сорвался, и я, тяжело дыша, попробовала высвободить руки. — Допустим... Допустим, это правда ты. Зачем ты пришел? Чего ты от меня хочешь?

Его пальцы стиснули мои запястья еще сильнее, и от его хищной улыбки снова замедлилось сердцебиение.

— Я пришел за тобой... — Так просто, мне показалось, внутри что-то оборвалось. Потому что в его голосе нет ни капли сомнения. Утверждение. Голый факт.

И сердце отбивает набатом в висках так громко, что мне кажется, я оглохну.

— Я тебя не знаю. Я скоро проснусь, и ты исчезнешь. Как всегда.

Какими дьявольскими силами мой разум так издевается надо мной, или я сошла с ума окончательно.

— Я не исчезну, Лия. Пусть я сон. Но тогда я — кошмар. Твой самый жуткий кошмар наяву. И ты пойдешь со мной. Ты потеряла право выбора, как только позвала меня.

«Бойтесь ваших желаний...»

Я с силой дернула руки, но его хватка была, как свинцовые кандалы, словно мог сломать мне руки легким движением. Это действительно кошмар. Немного иной... и он в нем иной.

Смотрела ему в глаза и не могла произнести ни звука. Звать на помощь бесполезно. Отрицательно качнула головой. Мне казалось, что он словно ждет от меня чего-то, всматриваясь в мои глаза, его собственные начинали излучать холод, лед, менять выражение, и вдоль моего позвоночника прошла дрожь страха. Едва ощутимая волна паники... Ведь я знаю, что означает этот взгляд, я видела в нем затаившегося зверя, которого нельзя дразнить. Хищника, способного растерзать меня так быстро, что я не успею даже вскрикнуть. Водоворот чувств от восторга до страха, самого первобытного и бесконтрольного. И каждое острое, как лезвие бритвы, разум отказывается воспринимать происходящее.

— А сейчас... сейчас представь то место, которое ты так часто видишь во сне. Вернись... окажись снова там, Лия... Как в последнем твоём сне. В том, где ты так отчаянно меня звала. Скажи, что ты идешь за мной... Представь и скажи мне...

— Нет! — вырвалось, как вопль, а на самом деле прозвучало, как тихий хриплый шепот. Я не хотела снова окунаться в те кошмары. Мне было страшно... Я хотела проснуться. Чувство реальности оглушало своей остротой и пугало до истерики. — Нет! Уходи! Просто уходи!

Я снова дернула руки, чувствуя, как подгибаются колени.

— Смотри мне в глаза! — В голосе металлические нотки, заставляющие беспрекословно подчиняться. Пытаюсь разорвать зрительный контакт, дрожа всем телом, но он уже завладел моим взглядом и держит, ломая мое сознание. Я чувствую это вторжение всем существом. Мне больно, и это не физическая боль, меня выворачивает наизнанку, потому что он раздирает мой разум. Я вижу себя — я не здесь, растворяясь в его взгляде, все так же смотрю на него... но уже не в этой комнате. Меня окружает давящая пустота, высокий серый забор, шуршание ветра в листве деревьев. Ветер путается в моих волосах, треплет подол моего платья, а я смотрю в его глаза, и даже если вокруг поднимутся столпы пламени, никто и ничто не заставит его отпустить меня.

[Купить полную версию книги](#)